

Алексей Полянский

В ЗАПАДНЕ

Алексей Полянский

В ЗАПАДНЕ

Москва

«Международные отношения»

1987

1.

— Мы сделали все от нас зависящее, уже месяц ведем его розыск. Но о бизнесмене Прасонге Понграйбуне в Таиланде нет никаких сведений. Очевидно, ваш так называемый компаньон действовал по подложным документам. Скорее всего, он уехал за границу. Мы сообщили о нем в Интерпол, но...

Инспектор уголовной полиции сделал паузу и сочувственно посмотрел на Уильяма.

— ...вряд ли и здесь можно рассчитывать на успех. Ведь у нас нет даже фотографии этого человека. Но, мистер Морли, во многом виноваты вы сами. Поступили очень неосмотрительно. Разве можно так доверять незнакомым людям!

Уильям, выйдя из кабинета, прислонился к стене, расстегнул ворот рубашки. Только теперь он до конца осознал, что с ним произошло.

Каждый из проходивших по коридору полицейского управления обязательно бросал взгляд в сторону высокого худого иностранца с бледным осунувшимся лицом, который дрожащими пальцами пытался и никак не мог достать из пачки сигарету.

Духота майского полдня в Бангкоке особенно тяжело ощущается в центре города, где жар раскаленного асфальта и гарь от тысяч автомобилей буквально сдавливают дыхание. Почувствовав усталость, Уильям зашел в один из знакомых баров на улице Силом. Кивнув хозяину, он уселся за стойку и заказал, как всегда, бокал пива.

Бар назывался «Счастливым Тигр». На стенах пестрели фотографии завсегдатаев: владелец бара был фотолюбителем. Особенно привлекала внимание Уильяма одна из них. Седовласый мужчина респектабельной внешности в белой рубашке с короткими рукавами был снят на фоне полки с многочисленными бутылками. Под фотографией крупными буквами была выведена надпись: «Джон Феррара уехал из Таиланда, не вернув мне долг в девяносто долларов. Не верьте этому проходимцу. А ес-

ли вы мой друг, то, встретившись с ним, плюньте ему в лицо. Тигр».

Никто точно не знал имени владельца бара. Все посетители называли его Тигр, хотя этот шестидесятилетний американец ни внешностью, ни поведением не был похож на властелина джунглей. Испитое лицо с обвислыми щеками, мешки под мутными глазами скорее придавали ему сходство с выдавшей виды старой дворнягой. Однако расцветка его рубашек всегда напоминала шкуру тигра.

Название бара отражало состояние дел его владельца. Тигр действительно был счастлив. Он преуспевал, бар приносил ему хороший доход. Однако ходили слухи, что Тигр не брезговал побочным заработком — скупал краденые вещи, занимался сводничеством.

В это время, как обычно, посетителей в баре было мало. В углу сидел толстый мужчина в спортивной майке и в замшевых шортах. Он обнимал свою спутницу, молодую тайку, что-то шептал ей на ухо. Часто разговор прерывался резким смехом.

«Похоже, немец, — подумал Уильям. — Турист, наверное. Бесят здесь с жиру».

Он вспомнил, каким был этот бар несколько лет назад...

1966 год, самый разгар войны во Вьетнаме. Получив двухнедельный отпуск, лейтенант Морли проводил его в Бангкоке. На небольшой сцене с яркой подсветкой танцуют две полуголые девицы, с пластинок надрывно звучит голос Элвиса Пресли. Тигр прислуживает посетителям, большей частью американским солдатам и офицерам. Уильям небрежно бросает на стойку смятые десятидолларовые купюры...

Теперь Тигр не узнает его. Прошли те времена, когда Уильям оставлял здесь, да и в других барах большие деньги. От выпитого им пива Тигру доход небольшой. Зато он внимательно следит за немцем и его подружкой. Как только их стаканы пустеют, Тигр спешит к ним с бутылкой дорогого виски.

Уильям зло посмотрел в его сторону.

«Сколько же чаевых получила от меня в свое время эта жаба, — подумал он. — Тогда при встречах со мной с его лица на сходила подобострастная улыбка. А теперь попробуй попроси у него выпивки в долг. Не даст, да еще осмеет и унизит».

На душе было тоскливо. Да, дела его явно не ладились, а так хотелось, чтобы Таиланд стал его землей обетованной. Город привлекал своеобразной красотой, заставлявшей порой забывать о тяжелом климате. Многие его сослуживцы после демобилизации поселились в Таиланде, занялись бизнесом. Расставшись с армией в конце шестидесятых годов, Уильям решил последовать их примеру. За годы военной службы он сколотил двадцать тысяч долларов. А в Таиланде, как все говорили, удачно поместив такой капитал, за год его можно удвоить.

Тогда в Бангкоке ему встретился Джерри Ласт. Шалопай и прожектер. Уильям учился с ним в офицерской школе на Гуаме. До сих пор он не может простить себе, что, пытаясь устроить свои дела, поверил ему. Джерри, захлебываясь от восторга, излагал Уильяму одну из своих новых идей: он собирался приобщиться к рекламному бизнесу, открыть рекламное бюро на паях с одним тайцем и приглашал Уильяма стать третьим компаньоном. Предприятие это, уверял Ласт, принесет им в ближайшее время колоссальный доход. Рассказывая о перспективах рекламного бизнеса в условиях Таиланда, он приводил много примеров. Трудно было ему не поверить, и Уильям согласился. Он вложил в это предприятие почти все свои деньги. Компаньоны арендовали помещение в центре Бангкока, наняли несколько сотрудников, приобрели мебель и инвентарь. Свое рекламное бюро они назвали «Фортуна». Однако фортуна им не благоволила. Заказов на рекламу поступало мало. Все солидные фирмы пользовались услугами уже известных рекламных бюро. «Фортуне» явно не везло. В первые два месяца доход был истрачен на содержание штата. Но Джерри не терял оптимизма и со свойственной ему настойчивостью доказывал Уильяму, что, как правило, вначале прибыли каждой компании невелики. Вместе с ним и Прачаком, их третьим компаньоном, Уильям с утра до вечера посещал различные учреждения, пытаясь расширить клиентуру бюро, добываясь новых заказов. Но это не дало никаких результатов. Со временем дела «Фортуны» пошли еще хуже. Бюро просуществовало всего четыре месяца. Деньги от продажи инвентаря и мебели пошли на уплату долгов за аренду помещения.

Так печально закончилась первая попытка Уильяма стать бизнесменом.

Вскоре ему удалось устроиться редактором в отдел хроники газеты «Бангкок пост». Платили там немного, но на одного хватало. Только и тут его постигла неудача. Из-за финансовых трудностей газета сократила штат. В числе уволенных оказался и Уильям.

Долго искал он работу, живя кое-как на остатки сбережений. Через одного знакомого немца, владельца небольшой пивной, устроился агентом по продаже западногерманской косметики. Целыми днями обходил он торговые фирмы и крупные магазины Бангкока, предлагая образцы духов, пудры, лака. Заработок был непостоянный, но без денег в то время он не сидел. Через полгода правительство повысило пошлины и сократило импорт иностранных товаров, в том числе и косметики. Пришлось оставить и это занятие.

Но эти неудачи были мелочью по сравнению с тем, что произошло с ним недавно. А началось все со встречи с Роном Брайтоном. С ним Морли познакомился еще во время службы в батальоне морской пехоты в Дананге. Вряд ли в их части, да и во всей морской пехоте США можно было найти парня более оборотистого, чем сержант Рон Брайтон, сын небогатого фермера из штата Айова. Видно, он был прирожденным дельцом. Он не скрывал своих склонностей и не случайно пользовался репутацией торговца и спекулянта. Его карманы были постоянно набиты золотыми украшениями, дорогими часами, дефицитными лекарствами, в том числе и наркотическими. Он знал, что где можно купить и что кому продать. Куда бы ни перемещалась их часть, Рон всегда быстро заводил новые знакомства среди южновьетнамских дельцов и торгашей. И никто не удивлялся, что все не отличавшийся храбростью Рон умел завоевывать расположение начальства и часто получал внеочередные отпуска. Уильям старался держаться от него подальше. Этот парень был ему неприятен.

Однажды во время отступления (это было в 1968 году) Уильям заметил, что Брайтон нагнулся над лежащим на земле южновьетнамским офицером. Сначала подумал: он оказывает ему помощь. Подойдя поближе, увидел: Рон держит в одной руке часы, а другой ощупывает карманы убитого.

Уильям громко крикнул ему: «Встать!». Рон послушно исполнил приказ. Он замер, глядя на Уильяма исподлобья. Как офицер, Уильям мог бы арестовать Брайтона за мародерство. Однако он не захотел ввязываться в эту

историю. Уильям вырвал у Рона из рук часы и ударил его ими по лицу. Часы отлетели в сторону, у Уильяма осталась в руках только часть браслета.

— Еще раз замечу, пристрелю на месте,— гневно сказал он.

Рон дрожал всем телом, лицо его побелело.

— Иди вперед! — крикнул Уильям. — Догоняй своих, а то снова залезешь в карман какому-нибудь покойнику, скотина.

Рон поднял автомат и, опустив голову, пошел впереди Уильяма.

Вскоре истек срок службы Брайтона, он демобилизовался и уехал из Южного Вьетнама.

Морли снова встретился с ним в Бангкоке, еще до увольнения из газеты. Брайтон сказал, что уже несколько лет работает стюардом в авиакомпании «Пан Америкэн», в Таиланде находится транзитом. Держался он самоуверенно. Делал вид, будто между ними ничего не произошло.

А три месяца назад, войдя в бар «Счастливый Тигр», Уильям увидел сидевшего за стойкой Рона.

— Рад видеть тебя, присаживайся ко мне,— громко крикнул ему Брайтон.

Оказалось, что он уже с год как бросил работу в «Пан Америкэн» и решил обосноваться в Бангкоке. Недавно женился на тайке, купил дом, машину. Занимается бизнесом, связан с экспортной и импортной торговлей.

— Ну, а как твои дела, газетчик?— весело спросил Брайтон.

— Я давно не работаю в газете, даю уроки английского. О доходах можешь не спрашивать, сам знаешь, сколько здесь за это платят,— ответил Уильям, с удивлением замечая, что не прочь поделиться своими бедами с этим подлецом.

— Не горюй, старина, и выпей за встречу с Роном Брайтоном. Он помнит добро. Я не забыл, что ты тогда, в шестьдесят восьмом, не донес на меня. Я помогу тебе. Попробую устроить тебе какой-нибудь бизнес, хотя сейчас это непросто.

— Рон, я уже занимался частным предпринимательством и разорился вконец. Наверно, это не для меня. Да и денег у меня сейчас нет, чтобы пустить в оборот.

— Бизнес — дело тонкое. Здесь без опытных наставников пропадешь. А насчет денег не волнуйся. Позвони через неделю, что-нибудь придумаем.

Брайтон протянул ему свою визитную карточку.

Встреча с ним вселила в Уильяма некоторую надежду. Рон за короткое время сумел сделать бизнес, размышлял он. Может, благодаря содействию Брайтона и ему удастся устроить свои дела. При этом Уильям старался не думать о том, что собирается принять помощь из грязных рук.

Через неделю Рон позвонил Уильяму и, сообщив, что есть хорошие новости, предложил встретиться в баре. При встрече без долгих предисловий он начал излагать суть дела:

— Ты, наверное, слыхал, тайские сапфиры все время растут в цене на мировом рынке. Их добыча — доходнейший бизнес. Недавно умер владелец одного из сапфировых приисков в провинции Канчанабури. Он был бездетным, жена не может продолжать дело и решила продать прииск. Его оценивают в два миллиона бат. Бизнес великолепный, тридцать — тридцать пять процентов годового дохода. Все отлажено — и добыча, и сбыт. С деньгами я тоже все уладил. «Бангкок бэнк» даст тебе ссуду на три года в миллион бат под небольшой процент. Мой тесть, мистер Сурин, будет твоим гарантом. Но, как тебе известно, иностранцам нельзя открывать в Таиланде бизнес на свое имя. Это возможно лишь на паях с тайцем. Поэтому тебе нужен местный компаньон. Только его уж ты ищи сам. Дело щепетильное, я боюсь рекомендовать кого-либо.

Предложение было заманчивым, и Уильям решил принять его. На следующий же день он поехал в провинцию Канчанабури, осмотрел прииск, познакомился с его владелицей, пожилой толстой китайкой госпожой Лим. Она сразу расстроила его, сказав, что два дня назад уже сговорилась о продаже прииска с Прасонгом Понграйбуном, который представился ей владельцем ювелирной мастерской в Бангкоке. По ее мнению, он скорее всего возьмется за этот бизнес с кем-нибудь на паях и рекомендовала Уильяму предложить свою кандидатуру. Морли решил последовать ее совету.

Прасонг Понграйбун долго расспрашивал Уильяма о его жизни и занятиях в прошлом. Вроде бы, его все устраивало, но окончательного ответа он не дал. Попросил представить ему рекомендации от трех бизнесменов.

Вскоре он все же согласился. Уильям получил ссуду, и они оформили купчую на прииск. Прасонг стал владельцем предприятия, Уильям — держателем сорока девяти процентов акций. Но, как потом выяснилось, документы были оформлены неправильно. Уильям не получил сертификата, подтверждающего его участие в бизнесе. Поэтому прииск находился в полной собственности тайца.

Прасонг переехал в Канчанабури и осуществлял контроль за добычей сапфиров. Уильям тоже дважды приезжал туда. В третий раз он не застал там Прасонга. Оказалось, что прииск уже продан другому человеку. Компаньон бесследно исчез...

Положение было безвыходное. Его долг составлял почти пятьдесят тысяч долларов! Где взять такие деньги? А ведь за неуплату долга его ждет суд, длительный срок тюремного заключения.

От этих малоприятных размышлений пересохло в горле. Уильям заказал второй бокал пива, сразу же отпил почти половину. Закурил сигарету.

«Я должен обязательно встретиться с Роном, — подумал Уильям. — Надо же что-то делать. Он предложил мне этот бизнес, пусть теперь поможет выкрутиться».

Уильям пододвинул к себе телефонный аппарат, набрал номер.

— Здравствуй, Рон.

— Привет. Как твои дела? Был в полиции?

— Был, но только все это бесполезно.

— Что собираешься делать?

— Не знаю.

— Приезжай ко мне сегодня вечером, часов в восемь. Поговорим, что-нибудь придумаем.

От пива немного закружилась голова. Уильям вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего утра. Его удручала перспектива получасовой поездки в отель в переполненном душном автобусе. Взглянул на часы: без пятнадцати два. Он положил на стойку деньги и вышел из бара.

Настроение у Рона Брайтона было превосходное. Жаль, никто из американских родственников и знакомых не видит его здесь. Наверное, не поверили бы, что он купил этот дом и хороший участок почти за миллион долларов, обзавелся шикарным автомобилем, солидным счетом в банке. Мог ли он мечтать о таком?

Судьба его складывалась непросто. В неполные семнадцать лет Рон бежал из дома, связался с шайкой грабителей. Два года провел в колонии для несовершеннолетних. После выхода на свободу некоторое время промышлял сводничеством. Потом встретились старые друзья...

Наверное, Брайтон вскоре опять угодил бы за решетку, не вмешайся в его беспокойную жизнь инспектор криминальной полиции Пол Стивенсон. Обещав Рону «списать» недавнюю кражу со взломом, он предложил ему, как человеку хорошо знающему преступный мир Денвера, стать полицейским информатором.

Тут уж для него начался сплошной кошмар. Передавая полиции сведения, Рон жил в постоянном страхе, понимая, что гангстеры могут расправиться с ним в любую минуту. Он оказался между молотом и наковальней. Ведь и отказать полиции было невозможно — Стивенсон сразу нашел бы повод упрятать его в тюрьму.

С помощью Брайтона полиция сумела захватить крупную банду. Однако кое-кому из ее участников удалось скрыться. Роль Рона в провале банды была настолько очевидна, что даже Стивенсон посоветовал ему на время уехать из Денвера. Да он и сам отлично понимал, что оставшиеся на свободе бандиты непременно разделаются с ним. Куда же скрыться? Казалось, выхода нет. Решение пришло совершенно неожиданно.

Рон вспомнил о наборе добровольцев на вьетнамскую войну. Уж там-то, во Вьетнаме, его не ждет неприятная встреча с бывшими дружками. Накопит денег и, когда кончится срок службы, поедет в Европу, подыщет себе какое-нибудь занятие.

Брайтон быстро прошел медкомиссию и был направлен в один из тренировочных центров. А ровно через три месяца Рон уже стоял на борту военно-транспортного судна, увозившего его далеко от берегов Америки. Те-

перь он мог вздохнуть с облегчением. Рон еще не знал, что многие уголовники, скрываясь от полиции, отправились «добровольцами» во Вьетнам.

Рон никогда не вникал в политику. В своем положении он считал это бесполезным занятием. Другое дело, если политика приносит доход. Но во Вьетнаме он во многом пересмотрел свою точку зрения. Рон старался при любом случае продемонстрировать свою ненависть к коммунистам. Расчет оказался верным. Многие офицеры стали благоволить Рону Брайтону. В их числе был и командир его батальона подполковник Джеральд Харпер, пятидесятилетний крепыш с глубоким шрамом на левой щеке — следом войны в Корее. Благодаря «бескорыстным» услугам Рона Харпер хорошо знал, какие разговоры ведут солдаты и офицеры батальона.

Во время одной из бесед он спросил Рона:

— Тебе приходилось когда-нибудь бывать на Филиппинах?

— Нет. А что?

— Хочу послать тебя в командировку на авиабазу Кларк. Заодно передашь подарок моему другу.

С этими словами Харпер протянул Рону командировочное удостоверение и увесистый сверток.

— Здесь магнитофон. Мой друг любит музыку.

— А что я должен делать в командировке?

— Мой друг объяснит тебе все на месте.

— Но как я его найду, он служит на базе?

Всем своим видом Харпер дал понять Рону, что он задает много лишних вопросов.

— Мой друг сам найдет тебя, встретит на аэродроме,— сказал подполковник с некоторым неудовольствием.

На аэродроме Рона действительно встретил молодой лейтенант ВВС, взял посылку и удостоверение и проводил в гостиницу.

— Отдыхай, я приду к тебе завтра утром,— сказал он, подмигнув Рону.

Наутро лейтенант передал ему отмеченное удостоверение.

Рона удивила столь необычная командировка. Он догадывался, что крылось за безобидным подарком. Рон знал, что многие американские военнослужащие в Азии занимаются торговлей наркотиками и хорошо наживаются на этом. Неужели Харпер хочет использовать его

для перевозки такого опасного груза, не раскрывая своих карт?

Но Рон ошибся. Через две недели Харпер снова вызвал его к себе.

— Давно присматриваюсь к тебе, Рон, — сказал он, впервые назвав его по имени. — Вижу, ты из тех, кому можно доверять, поэтому именно тебе предложил поехать на Филиппины. А теперь получи свою долю.

И подполковник передал Рону конверт с деньгами.

— Ты нам подходишь. Если не возражаешь, будут еще поездки.

— Я согласен. Сами знаете, сержантское жалованье грошовое, а надо подумать и о будущем.

Брайтон несколько раз ездил на Филиппины, в Таиланд на базы Утапао и Корат. Дважды Харпер отправлял его в отпуск, только «отдыхал» Рон не дома, в Айове, а в Нью-Йорке и Чикаго. Рон хорошо заработал на поручениях Харпера.

Срок службы подходил к концу, за неделю до демобилизации Харпер вызвал его к себе.

— Ну, скоро начнется твоя гражданская жизнь. Что решил делать дальше, Рон?

— Сам не знаю. Думаю поехать в Европу, начать там какой-нибудь бизнес.

— Какой-нибудь бизнес, — усмехнулся Харпер. — Да там прорва таких, как ты. В два счета прогоришь. А что потом?

Харперу было известно о прошлом Рона. Когда подполковник обдумывал возможность его использования как «курьера», он переслал данные о Роне своим хозяевам в Нью-Йорк. И через месяц уже знал все об этом сержанте. Проверка в их «фирме» была на высоте. Его занимался сам Большой Джек, делец с уголовным прошлым и запутанной биографией. У него были надежные связи и с ФБР, и с ЦРУ, не говоря уже о полиции. За определенную сумму Большой Джек получил право знакомиться с досье на любого интересующего их человека. Благодаря этим недешево стоящим связям Харпер и его братья чувствовали себя спокойно и в Штатах, и за границей.

Похлопав Рона по плечу, Харпер сказал:

— Опять возьмешься за старое — угодишь в тюрьму. Я позабочусь о тебе. Есть ведь более безопасные и прибыльные занятия, ты, конечно, понимаешь, о чем я гово-

рю. Вот тебе письмо. На конверте указан адрес. Передай письмо, там скажут, что нужно делать.

Водитель такси долго искал в пригороде Нью-Йорка серый мрачный дом за высоким кирпичным забором. Рон позвонил. Прошло несколько минут, наконец дверь открылась, и показалась пожилая женщина в черном платье.

— Мне нужен Патрик Берг, у меня для него письмо,— сказал Рон.

Бросив неприветливый взгляд, женщина взяла письмо и захлопнула дверь перед его носом.

Прошло десять, пятнадцать минут. Рон ждал. Закурил и стал прогуливаться вдоль забора. Вдруг послышался скрип двери, и на улицу вышел высокий плечистый парень в джинсовом костюме с длинными, почти до плеч, черными волосами. Приблизившись к Рону, внимательно посмотрел ему в лицо.

— Послезавтра в восемь вечера приходи в кафе «Три розы». Это в самом начале Бродвея. Знаешь?

— Найду.

Рон немного опоздал. Окинув взглядом кафе, он не нашел длинноволосого. Хотел уже сесть за свободный столик, но вдруг ему помахал рукой полный смуглый мужчина лет сорока. Человека, на которого вышел Рон, звали Луи, судя по всему, он был итальянцем.

Луи долго расспрашивал его о службе во Вьетнаме, о Харпере. Потом сказал:

— Рекомендации Харпера для меня многое значат. Я верю ему, как себе. Поэтому и беру тебя. Но учти, в нашем деле расслабляться нельзя, все время нужно быть начеку. Да не вздумай обмануть меня. Ну, а деньги мы платим хорошие. Завтра же начнешь работать в авиакомпании «Пан Америкэн». Спросишь там Роберта Гривса из отдела пассажирских перевозок. Скажешь ему, что хочешь работать стюардом. Он в курсе дела, тебя сразу оформят. А в среду встретимся здесь в это же время. Обсудим детали.

Новая жизнь быстро закрутила Рона. Женева, Париж, Рим, Амстердам, Гонконг... Комфортабельные гостиницы, роскошные рестораны сменяли друг друга, словно в калейдоскопе. Жизнь с рекламных картинок, казалось, стала его собственной. Только, в отличие от холельных завсегдатаев дорогих отелей, он был не в состоянии

наслаждаться окружавшим его комфортом. В его чемодане почти всегда был груз, за который он мог лишиться свободы на многие годы.

Когда таможенник брал в руки куклу, деревянную статуэтку, расшитую в восточном стиле подушку или портативный японский магнитофон, внутри которых были искусно запрятаны небольшие пластиковые мешочки с героином, по телу Рона пробегала дрожь. Но, помня совет своего нового шефа, он изо всех сил старался скрыть страх и с деланной непринужденностью обменивался со стоящими рядом пассажирами впечатлениями о полете, заигрывал с хорошенькими девушками.

Правда, первое время после каждого досмотра он подолгу не мог прийти в себя. Иногда напивался до чертиков в гостинице, часто страдал бессоницей. Но потом привык и при таможенном досмотре уже сохранял абсолютное спокойствие.

Как-то осенним вечером, выходя из здания аэропорта, Рон увидел, что невдалеке стоит коричневый «шевроле» Луи. Хозяин в белом костюме и ярко-красной рубашке небрежно облокотился на капот машины. Было часов шесть вечера, они поехали в ресторан.

— Шеф тобой очень доволен. Но, к сожалению, ты уже примелькался. Многие тебя знают, в том числе те, кому не совсем доверяем. Ты здорово поработал и заслужил повышение. Поедешь теперь в Таиланд, будешь там как бы нашим менеджером. Согласен?

— Все зависит от того, что я там буду делать.

— Бангкок сейчас один из главных центров поставок героина в США и Европу. У нас там свои люди. Ты займешься переправкой «товара». Тут и работа с поставщиками, и вербовка «курьеров», и обеспечение перевозок. Потом я тебе подробно расскажу обо всем, ознакомлю с условиями работы и теперешними нашими возможностями в Бангкоке. Там ты будешь зарабатывать раза в три, а то и в четыре больше, чем сейчас. Ну, а теперь взгляни на своего будущего коллегу.

Луи протянул Рону фотографию пожилого мужчины с прилизанными волосами.

— Это Гюнтер Клюге. Он встретит тебя и сведет с остальными людьми. Ему под шестьдесят. Служил в войсках СС во Франции. В конце войны ограбил полковую кассу и бежал в Испанию. Долго слонялся без дела, пока не пристал к нашей «фирме». Несколько лет был «курьером», потом стал работать в Бангкоке. Но,

увы, пристрастился к алкоголю, часто запивает. Ключе мы можем использовать только на вспомогательных ролях. Он большой мастак по камуфляжу «товара». Так запрячет, что ни одна собака не найдет.

Луи показал Рону еще две фотографии.

— Это местные китайцы — Сурин и Чен. От них будешь получать «товар» и оплачивать его. Ключе познкомит тебя с ними. Ему уже даны указания. Сурин действует под «крышей» небольшой экспортно-импортной компании. Возьмет тебя в фиктивные компаньоны. Тебе надо легализоваться.

Луи внимательно посмотрел на Рона, потом сказал:

— Шеф поручает тебе очень важное задание. Ты будешь поддерживать связь с человеком, обеспечивающим нашу безопасность в Бангкоке. Сам понимаешь, что это для нас значит. Он глубоко законспирирован. Не поверишь, но даже я не знаю его имени, только кличку — Паук. Через какое-то время после твоего приезда в Бангкок он подойдет к тебе и предъявит брелок — долларовую монету. Смотри, не проболтайся кому-нибудь об этом человеке.

В зале ожидания бангкокского аэропорта Рон сразу заметил высокого седого мужчину. Он узнал Ключе. Тот вертелся у стойки недалеко от таможенного контроля. С первой минуты знакомства немец повел себя подобострастно, всячески старался угодить Рону, своему будущему шефу.

Доставив Рона в гостиницу, Ключе сказал, что завтра утром они поедут знакомиться с его новыми компаньонами.

Сурин принял их в своем офисе. Ему было чуть больше пятидесяти. Среднего роста, плотный, с зачесанными назад черными блестящими волосами. Он сказал, что рад приезду Рона, надеется на успешную совместную работу.

— Завтра вас посетит мой племянник Ниссай, он у меня за секретаря. Заполните анкеты и отдадите ему документы. Остальное я беру на себя, — сказал с улыбкой Сурин. Взглянув сначала на Ключе, потом на Рона, тихо добавил:

— «Товар» готов к отправке. В течение недели вам нужно его забрать.

— У меня почти все готово, — сказал Ключе.

— Что значит «почти»? Опять начинается старая история?

— «Курьер» пока ломается. Но, думаю, сегодня смогу уговорить его.

— Меня это совершенно не интересует. «Курьеры» — забста ваша, а не моя. Вы, Ключе, постоянно находите какие-то причины для отсрочки. Надеюсь, после приезда мистера Брайтона это кончится, — решительно проговорил Сурин и, встав с кресла, дал понять собеседникам, что разговор окончен.

— Видал типа? — спросил Ключе Рона уже в машине. — Вот так всегда: вынь да положь. Будто это плевое дело подобрать «курьера». Сейчас все знают, чем может закончиться поездка с белым порошком. Представляешь, я нашел для этого дела американского дипломата! Парень не прочь заработать, через неделю едет в отпуск. Все шло нормально, но он где-то прочитал, что в крупных аэропортах при таможенном контроле для обнаружения наркотиков стали использовать специально натренированных собак. Сейчас я стараюсь успокоить его, говорю, что мы обрабатываем «груз» химическим составом. Здесь собачки бессильны. Думаю, он сдастся.

Машина въехала в китайскую часть Бангкока — Чайна таун. Ключе припарковался около небольшой лавки.

— Сейчас увидишь еще одного деятеля, почище Сурина, — сказал он.

У входа их встретил низкорослый китаец лет шестидесяти, в грязной рубашке, коротких штанах и резиновых сандалиях. Их приход прервал его чаепитие. На прилавке стоял небольшой чайник и чашка с дымящимся ароматным чаем. Китаец стал вежливо кланяться им, приглашая пройти в лавку. Рон все ждал, когда же он поднимется наверх и пригласит своего господина. Но этого не произошло. Они присели на маленькие железные табуретки. Китаец достал еще две чашки, налил в них чай и подал гостям.

— Мистер Чен, хочу представить вам мистера Брайтона, теперь вы будете работать с ним, — сказал Ключе.

«Мистер Чен? Неужели тот самый, о котором говорил мне в Нью-Йорке Луи? — подумал Рон, глядя на своего нового компаньона. — Ну и видик! Так и хочется подать ему пару долларов на новые штаны».

Продолжая вежливо кланяться, Чен на ломаном английском языке пытался выразить свой восторг по поводу приезда Рона.

«Товар», стал объяснять он, прибудет недели через две. Но цена на пять процентов выше.

— Очень трудно, очень трудно достать «товар». Нужно много людей, всем нужно заплатить, теперь нужно много заплатить, — неторопливо, коверкая английские слова, говорил Чен.

Лицо Ключе сразу вытянулось. Он явно не ожидал такого оборота и стал решительно торговаться. Но Чен настаивал на своем, улыбался, прищуривал глаза, качал головой. В конце разговора Ключе резко выругался, но и это не подействовало на Чена.

— Ладно, пока подождем, мистер Чен, ответ дадим вам через неделю, — сказал Ключе, прощаясь с ним.

На обратном пути заехали пообедать в ресторан.

— Этот Чен, наверное, один из самых богатых людей в Таиланде, — сказал Ключе, отхлебывая пиво из бокала. — У него пять или шесть лабораторий по переработке сырого опиума в героин. Несколько тысяч человек выращивают для него опиум в Золотом треугольнике*. Да и покупателей, вроде нас с тобой, у него десятки. Гребет доллары лопатой. Только жадность не дает ему тратить деньги. Всю жизнь торчит в своей вонючей лавке. Куда деваает барыши — одному богу известно.

— А чем этот Чен занимался раньше?

— Был офицером гоминьдановской армии, в конце сороковых годов бежал в Таиланд. Говорят, имел золотишко, продал его и открыл лавку. С тех пор и живет в ней, как собака в будке. «Бизнесом» стал заниматься давно, сразу же после приезда в Таиланд. Многие гоминьдановцы осели в «Золотом треугольнике», они-то и подключили Чена к работе. Теперь он опиумный «король».

Рон рьяно взялся за дело, ему удалось подыскать нескольких «курьеров». Он осуществлял все сделки с Сурином и Ченом, Ключе выполнял лишь вспомогательную работу.

Сурин с почтением относился к Рону, несколько раз приглашал его к себе домой, познакомил со своей старшей дочерью Мэй.

* Золотой треугольник — горные районы, находящиеся на территории Таиланда, Бирмы и Лаоса. Известен как один из мировых центров по выращиванию опиумного мака.

Как-то поздно вечером пьяный Ключе вдруг явился к Рону на квартиру. Рон был явно недоволен приходом хмельного гостя.

— Ну-ну, не дуйся, дай лучше старику Гюнтеру что-нибудь выпить,— проговорил Ключе.— Он принес тебе очень приятную весть.

— Что еще там, говори скорее, я хочу спать.

— Ну и удача подвалила тебе, Рон. Такая удача!

— Хватит крутить, рассказывай. Не то выставлю тебя за дверь.

— Думаешь, зря Сурин то и дело приглашает тебя домой? Он прочит тебя в зятя.

— Неужели? Но я слышал, у Мэй есть жених.

— Вернее, был. Семь или восемь лет ее женихом считался один местный китаец. Год назад он переехал в Гонконг и перестал ей писать. Мэй уже двадцать семь. В этом возрасте восточная женщина давно должна быть замужем и иметь детей. Иначе о ней могут подумать плохое. Сурина очень дорога репутация его семьи. Ты ему нравишься и дочке тоже, да и браки с американцами входят здесь в моду. Думаю, Сурин не поскупится на приданое. Можешь отхватить миллион долларов, а то и больше! Но ты с ним поторгуйся, он бизнесмен во всем. Купи завтра хороший букет роз, поезжай к Мэй и сделай ей предложение. Тебя ждут.

Ключе не обманул Рона. Приданое действительно было немалым. Вскоре молодые переехали в собственный дом. Родственные отношения Рона с Сурином не изменили их деловых отношений. Они по-прежнему продолжали торговаться о ценах. Тесть, казалось Рону, за это еще больше стал уважать его.

Прошрое, словно неведомо кем отснятый фильм, проплывало в памяти Брайтона...

Увидев в окно свет автомобильных фар, Брайтон подумал о том, что примерно через час их «фирма» пополнится еще одним сотрудником.

— По правде сказать, Билл, я не ожидал от тебя подобной беспечности. Как же можно? В таких случаях даже опытные бизнесмены обращаются к услугам юристов,— в голосе Рона слышались менторские нотки.

— Зачем сейчас говорить об этом, — ответил, нахмурившись, Уильям.

— А что мне остается делать? Ты, наверное, считаешь, будто пострадал один. А кто добился для тебя кредита? Как я уговаривал тестя стать поручителем, убеждал, что ты — парень с головой и сумеешь вовремя погасить ссуду. А что получилось? Сурин рано или поздно узнает об этом, и тогда мне несдобровать. Эта история может дискредитировать его как бизнесмена. Ты понимаешь, что это означает для нашей фирмы?

Рон с силой ударил ладонью по столу. Уильям никогда не видел его таким злым.

— Что же мне теперь делать?

— В течение трех лет выплачивать банку ссуду и проценты. Иначе эти деньги банк потребует с Сурина, а он подаст на тебя в суд. И тогда прощайся со свободой на долгие годы. А мне придется искать себе другой бизнес, тесть больше не захочет иметь со мной дело.

— Я никогда не смогу выплатить этот долг. Пожалуй, моя судьба уже решена.

— Не думал, что ты так малодушен, сдаешься без боя. Здорово ты рассудил: денег нет, сажусь в тюрьму и пропади все пропадом. А на мою репутацию, видно, тебе наплевать.

— Рон, к чему эти бесполезные разговоры. Я не вижу выхода из создавшейся ситуации.

— Выход есть. Долг можно вернуть не за три года, а за год. Но на такое способен только настоящий мужчина, а не слюнтяй.

— Ладно уж, договаривай. В моем положении приходится идти на любой риск.

— Нужно совершить несколько поездок в Европу и Америку с очень опасным грузом. Такой вояж оценивается от пятнадцати до двадцати тысяч долларов.

— Наркотики?

— Да.

Уильям на минуту задумался, на лбу выступила испарина.

— Я согласен, Рон. В конце концов в любом случае меня ждет тюрьма.

— Зачем так сразу. Этот груз стоит больших денег, и поэтому транспортировка его продумана до малейших деталей. Ну, об этом после. А лететь тебе придется на следующей неделе в Копенгаген.

— Что нужно делать?

Брайтон заметно повеселел.

— Сущие пустяки. Получишь чемодан с деревянными и костяными фигурками, картинами, набросаешь туда кое-какие свои вещи и полетишь в Копенгаген. Остановишься в отеле «Дан», номер будет заказан. Весь следующий день после прилета сиди там и жди звонка. Позвонит мужчина по имени Джек, спросит, можно ли прийти за посылкой от Викторини. Ты отдашь ему «товар», а он тебе деньги. Вот и все.

— Не будут ли потрошить «товар» на таможне?

— Покрутят в руках и положат обратно. Все настолько искусно спрятано, что заметить невозможно. Кроме того, у тебя еще будет большая коробка. Туда мы положим всякую ерунду. Ты сам открой чемодан перед контролером, а коробку придержи, отложи куда-нибудь в сторону. Таможенник не станет долго осматривать чемодан, так как его уже начнет интересовать твоя коробка. Понял? Это проверенный способ. Насчет Бангкока не сомневайся, мой друг покажет, к какой стойке лучше подойти, там непридирчивые ребята. Главное — Копенгаген. Веди себя спокойно, постарайся забыть, что везешь. Ни в коем случае таможенники не должны заметить, что ты нервничаешь. Тогда уж распотрошат весь багаж. Перед Копенгагеном выпей немного для смелости.

— Рон, зачем нужно было разыгрывать эту комедию, говорить об угрозе репутации бизнесмена, о предстоящем конфликте с тестем? Я же прекрасно понимаю, чем вы с ним занимаетесь.

— Мы самые настоящие бизнесмены, запомни это. Просто, делая свое дело, мы подвергаем себя значительному риску. Подожди минуту.

Рон вышел в соседнюю комнату и вернулся с конвертом в руке.

— Здесь деньги, три тысячи долларов на билеты и твои дорожные расходы, хватит с лихвой и еще останется. Человек, выполняющий столь ответственную миссию,

не должен ни в чем себе отказывать. Это одно из наших правил.

— Хорошее правило, — с горечью заметил Уильям.

— Самолет вылетает послезавтра в четырнадцать тридцать. В двенадцать приходи в ресторан «Дойче хауз». Там встретишься с Гюнтером Клюге. Он и отвезет тебя в аэропорт.

Рон подошел к окну, сложил руки на груди и, не глядя на Уильяма, медленно произнес:

— Только не наделяй глупостей. Ты взялся за очень серьезное дело. Предательства мы не прощаем. И не вздумай спрятаться под крылышком у полиции, это бесполезно. Попадешься — бери все на себя. Вот тебе вариант легенды. Познакомился в Бангкоке с человеком по имени Генри, получил от него посылку. Должен передать ее в Копенгагене на бульваре около вокзала тому, кто назовется господином Гунером. Можешь соврать еще что-нибудь. Никого из нас ты не знаешь. Выдашь — подпишешь свой смертный приговор. Возьмешь все на себя — будем выручать. Для этого у нас есть определенные возможности. Ну, да это так, к слову. Небольшой инструктаж перед первым полетом. Я говорю это всем, а то попадаются молодцы — еще не пройдя досмотр, уже бегут к первому попавшемуся полицейскому. Надеюсь, ты не из таких.

Брайтон протянул пачку сигарет. Уильям закурил, молча сделал несколько затяжек. Он был растерян. Ввязался в преступный бизнес, а шефом у него Рон, последний мерзавец и подонок. Да, теперь он может командовать им, ставить условия, угрожать. Но выхода нет. Иначе он не сидел бы здесь и не выслушивал бы инструкции этого типа.

Он взглянул Рону в глаза. Попытался изобразить на лице улыбку, чтобы не показаться испуганным. Но получилась жалкая гримаса.

— Не стоит меня запугивать. Сам знаю, на что иду. Можешь быть спокоен, я никого не выдам. Так и передай своим хозяевам. Пока, мне пора.

— Подожди, Билл, я еще не закончил. Твоя Тян не должна даже догадываться об этом. Я не знаю о ваших дальнейших планах, но для нее ты всегда будешь добропорядочным бизнесменом. Помни об этом и не проговоришься. Дело наше такое, что приходится не самым деликатным образом затыкать рот не только болтунам, но и людям, случайно услышавшим от них то, что никому не

положено знать. Ну, счастливого пути! А после приезда можешь заказать себе визитную карточку представителя экспортно-импортной фирмы «Сиам».

Уильям не собирался сразу идти в отель. Тянь вернется за полночь. Ему уже надоело целыми вечерами сидеть одному в маленьком уютном номере и ждать ее. А теперь, когда есть деньги, он может прекрасно провести время, посидеть в баре, послушать музыку, заказать дорогие напитки. Ему захотелось пойти в «Счастливый Тигр», ведь именно там его уже давно считают одним из самых несостоятельных клиентов.

Тигр по-прежнему равнодушно отнесся к его приходу. Бармен начал было открывать для Уильяма бутылку пива, но тот остановил его и заказал двойную порцию самого дорогого виски со льдом. Тигр, услышав это, удивленно посмотрел в его сторону.

— Иди сюда, Тигр, — небрежно бросил ему Уильям. — Хочешь выпить? Угощаю.

Поблагодарив, Тигр налил в стакан немного мартина, разбавил тоником. Уильям давно заметил, что Тигр, хотя и похож на выпивоху, не употребляет крепких напитков и вообще пьет немного.

— Ваше здоровье, — произнес Тигр, заискивающе улыбнувшись Уильяму. Теперь он уже не отходил от него. Лыстил, вспоминал первые посещения Уильяма, говорил, что тому очень шла офицерская форма.

— Не знал, что у тебя такая хорошая память, Тигр. Давай за нее и выпьем.

— А меня не возьмете в компанию? — услышал Уильям чей-то знакомый голос.

Он обернулся, рядом с ним стоял Джерри Ласт, его бывший компаньон по «Фортуне».

Сразу после краха их совместного предприятия Джерри уехал в Америку. По его словам, родители помогли ему закончить школу банковских служащих. Потом он почему-то опять вернулся в Бангкок и стал работать в «Индочайна бэнк». В последнее время они часто встречались, главным образом в дешевых кафе и закусовых, и за угощение всегда платил Джерри. Теперь, понял Уильям, настал его черед потчевать старого приятеля.

— Присаживайся, Джерри. Тигр, налей-ка ему коньяку.

— За что пьем, Билл?

— За Тигра и его хорошую память, за то, чтоб не отупел в своем заведении.

Все рассмеялись. Хозяин бара, пригубив напиток, сел на свое обычное место и начал перебирать счета.

— Как дела, Джерри? — спросил Уильям.

— Неплохо. А ты, я вижу, гуляешь.

— Так, решил немного развеяться. Хочешь еще коньяка?

— Не откажусь. С чего это ты разошелся? Не забывай, рюмка коньяка у Тигра стоит сто двадцать бат.

— Хоть двести. Могу я угостить старого друга?

— Похоже, фортуна наконец тебе улыбнулась. Я-то слышал, будто ты здорово накололся на какой-то финансовой операции.

— В общем были трудности, но в конечном счете все уладилось.

Уильям и самому себе хотел внушить, что все уладилось. Но чувствовал, что, несмотря на выпитое, тревожные мысли не отпускают его. Бросив на стойку пятьдесят бат, он велел Тигру поставить запись со своей любимой песней «Отель Калифорния».

Видя, что разговор с Уильямом не клеится, Джерри быстро распростился с ним, пообещав позвонить.

На следующий день Уильям проснулся рано. Тянь еще спала. Он взглянул на ее лицо. Наверное, и во сне ее что-то мучило.

Познакомились они полтора года назад, когда он еще торговал косметикой. В баре «Мадрид» на Патпонге Уильям обратил внимание на молодую симпатичную женщину, сидевшую у стойки. Казалось, и она не могла отвести от него глаз.

Это знакомство обошлось ему в четыреста бат. В тот же вечер он привез Тянь, так звали женщину, к себе на квартиру. Подобные связи были обычны для него в Бангкоке. Но после встречи с Тянь его стало постоянно тянуть в «Мадрид».

Тянь тогда было двадцать лет. В Бангкок она приехала из разоренной неурожаем деревни три года назад, надеясь устроиться хоть служанкой или уборщицей. Но ее постигла судьба многих попавших в столицу девушек. Работу найти не удалось, денег не было, и вскоре она стала добычей сводника.

Через месяц после знакомства с Уильямом Тянь переехала к нему. С баром было покончено. Но ненадолго.

За уроки английского платили очень мало. Но это была единственная работа, которую Уильям мог найти. Снимать квартиру было уже не по карману, переехали в дешевый номер третьеразрядного отеля «Парк». Но денег за уроки не хватало даже на еду.

Вечерами Тянь стала возвращаться в отель все реже и реже. В ее сумочке Уильям обнаружил пластмассовый номер бара «Мадрид», который обязательно должны носить работающие там «девочки». Он старался не думать об этом, но мысль, что Тянь вынуждена торговать собой, не давала ему покоя.

Да, теперь он будет постоянно рисковать, но зато у них будет свой дом, хотя бы временное благополучие. Может быть, риск — это та плата, которую стоит заплатить за то, чтобы избавиться и себя, и ее от унижений, думал Уильям.

Тянь открыла глаза, положила руку ему на грудь.

— Вчера ты был такой веселый. Какие-нибудь приятные новости?

— Да, я вступаю в новое дело и смогу быстро расчитаться с банком. Звучит вполне солидно: экспортно-импортная фирма «Сиам». Буду связан с европейским и американским бизнесом. Предстоят частые поездки.

— Тебе решать. Только будь осторожен. Ты слишком доверчив.

— Успокойся, все будет нормально. Я уже не тот, что прежде. Завтра лечу в Копенгаген, дня на три. Очень прошу тебя: больше не появляйся в «Мадриде». С этим покончено навсегда.

Уильям вытащил бумажник, достал оттуда пачку денег и положил ее на стол.

4.

В ресторан «Дойче хауз» Уильям пришел пешком. Ключе еще не было. Уильям заказал пиво. Он не завтракал, но есть не хотелось, сказывалось нервное напряжение.

— Прошу извинить за опоздание.

Уильям поднял голову. Ключе был в цветастой тайской рубашке навыпуск и в белых брюках.

— Ужасные «пробки», чуть не на каждой улице загоры. Но у нас еще есть время. До аэропорта доехать успеем, тем более долго болтаться там ни к чему.

Уильям ничего не ответил.

На Сукумвите пришлось несколько раз подолгу стоять у светофоров. Потом стало свободнее. Ключе ловко проталкивал между машинами свой маленький «фольксваген».

Уильям думал о предстоящей поездке. Чем она закончится?

Его мысли прервал скрипучий голос Ключе.

— Главное — не волноваться. Все будет о'кей. Спокойствие. Спокойствие и...

— Оставьте ваши советы при себе, я и так напичкан ими по горло, — недовольно перебил его Уильям.

Потом ехали молча. Скоро машина выскочила на шоссе. За окнами замелькали сельские пейзажи.

На полях работали крестьяне, ребятишки самодельными сачками ловили рыбешек в маленьких каналах у обочин дороги. Уильям любовался этой тихой, размеренной жизнью.

Вскоре появился знакомый силуэт бангкокского аэропорта «Дон Мыанг».

Ключе, притормозив у самого входа в зал аэропорта, высадил Уильяма, оставил ему багаж, а сам поехал на закрытую стоянку.

— Послушайте, что с вами? — обратился он к Уильяму, вернувшись через несколько минут. — Да на вас лица нет! Прямо приговоренный к смерти. Сейчас же возьмите себя в руки, хватит нервничать. Вы же не ребенок. Вот, выпейте это. Сразу успокоитесь.

Он протянул Уильяму две желтые таблетки. Уильям быстро проглотил их.

— Подождите, я скоро вернусь, — сказал Ключе и скрылся в толпе.

Вскоре Уильям почувствовал какое-то неестественное спокойствие. Видно, подействовали таблетки. Все стало каким-то замедленным, тягучим: хождение людей по залу, голос дикторши, то и дело объявлявшей о прибытии самолетов или приглашавшей пассажиров пройти на посадку.

Минут через десять подошел Ключе. Он взял коробку и поманил Уильяма за собой. Они быстро оформили би-

лет, получили посадочный талон. Затем Ключе поставил вещи перед таможенником. Тот попросил открыть чемодан. Уильям быстро щелкнул замками.

Таможенник, парень лет двадцати пяти, бегло осмотрел содержимое. Потом сам захлопнул чемодан и улыбнулся Уильяму. Коробку он досматривать не стал, отодвинул ее в сторону. Вещи медленно поплыли по конвейеру и вскоре скрылись в темном проеме.

Объявили посадку. Попрощавшись с Ключе, Уильям прошел к паспортному контролю.

Теперь, мысленно внушал он себе, волноваться уже не стоит, до Копенгагена ничего не случится. Остался всего один шаг — пройти досмотр по прибытии. Он быстро пересек зал и оказался у двери, ведущей на посадку. Там образовалась большая очередь — полицейский проверял личные вещи пассажиров.

Досмотр проходил медленно. Открывали атташе-кейсы, дамские сумочки. Сейчас, после участвовавших случаев угонов самолетов, во всех международных аэропортах существует такой порядок.

Уильям наблюдал эту привычную картину. Он знал, проверка ничем ему не грозит, но снова почувствовал страх. Страх перед людьми, которые осматривают чужие вещи, перебирают их и снова кладут обратно. Он представил себе досмотр в Копенгагене. Дотошных таможенников, рассматривающих его груз. Один из них, взвесив в руке статуэтку, откладывает ее в сторону...

Что делать дальше? Он не представлял себе этого.

А может, сейчас прямо выйти из очереди? Сказать, мол, раздумал лететь. И все. Взять обратно багаж. Пока это еще возможно. Сочтут чудачком, и конец. Что с ним сделают здесь? Конечно, отпустят и вернут проклятый чемодан и коробку. А дальше? Швырнуть бы их перед Роном Брайтоном. Красиво, но нереально.

Уильям открыл свой атташе-кейс. Полицейский спокойно осмотрел содержимое. Электробритва, две книги, несколько пачек сигарет. Традиционная вежливая улыбка, и Уильям выходит на летное поле.

Уильяму показалось, что когда-то это уже происходило с ним. Вот так же он, взволнованный и удрученный, прошел в салон «боинга» и сел у окна. Это было восемь лет назад. Тогда он летел из Сайгона на похороны матери, с горечью думая о том, что теперь остался совсем один. В сущности, мать была единственным человеком, которого волновало, как ему живется.

Похоронив мать, Уильям решил провести оставшиеся от отпуска дни в родном городе. Было много встреч с родственниками и знакомыми. Но запала в память одна из них — с двоюродным братом Юджином Фолком. Тот приехал на каникулы и очень обрадовался Уильяму, к которому всегда относился как к старшему, хотя был всего на пять лет моложе его.

— Давно во Вьетнаме, Билл? — спросил он после ужина.

— Пошел второй год.

— Нравится?

— Вот призовут, тогда узнаешь.

— Меня там никогда не будет, скорее сожгу повестку.

— Ты сошел с ума или разыгрываешь меня?

— Нет, Билл, я действительно против этой войны. Вхожу в университетский комитет «За прекращение войны во Вьетнаме», а недавно участвовал в походе на Пентагон. Ты слышал о нем?

Во Вьетнаме Уильяму редко попадали американские газеты, и он почти ничего не знал об антивоенном движении. Считал, что оно организовано «иностранными агентами». По крайней мере такие инструкции он получал от командования для проведения бесед с солдатами.

— Значит, мы воюем, проливаем кровь за свободу, а вы здесь устраиваете всякие митинги и марши, создаете разные антивоенные комитеты? И такие, как ты, наверное, считают себя патриотами Америки?

— Конечно. Наша главная цель — положить конец этой грязной войне, смыть позор с Америки. Разве это не патриотизм?

— Не слишком ли вас всех захватила красная пропаганда? По-твоему, надо отдать Вьетнам коммунистам, чтобы они и там установили свои железные порядки?

Чувствуя, что готов наброситься на Юджина с кулаками, Уильям резко оборвал разговор и вышел из дома.

Прошло два дня, но ссора с кузеном не выходила из головы. Неужели такой честный и умный парень, как Юджин, с теми, кто выступает против вьетнамской войны? А может быть, он, Уильям, неправильно судит об участниках антивоенного движения? Он же ничего не знает о них.

В опустевшем доме Уильям нашел аккуратно сложенные матерью старые газеты за последние два года. Читал их несколько дней. Над многим пришлось задуматься...

Прогуливаясь днем по городу, Уильям заметил вывеску бара на одной из знакомых с детства улочек. Раньше здесь его не было. Решил зайти, выпить кампари с содовой.

Бармен, очень толстый и неопрятный парень в старой выцветшей рубашке, приготовляя аперитив, внимательно рассматривал Уильяма. Наконец, ставя перед ним стакан, сказал, улыбнувшись:

— Угощайтесь, мистер Морли.

Уильям взглянул на его одутловатое бледное лицо.

— Мэл, неужели ты? Здорово, дружище!

— Здравствуй, Билл.

— Да тебя не узнать, стал таким солидным.

— Не говори. Распух, как на дрожжах, что поставь, что положи — одно и то же. Вот, открыли с отцом бар. Доход невелик, но жить можно.

С Мэлвилем Фишером он был знаком с детства, жили на соседних улицах. Но общались мало. Уильям был старше его на три года и всегда считал за мальчишку.

— Прими мои соболезнования, Билл. К сожалению, не смог прийти на похороны миссис Морли. Отец болен, больше за баром присмотреть некому. Все хотелось повидаться с тобой и спросить, долго ли собираешься воевать.

— Не знаю. На войне на такой вопрос никто не даст ответа. Для многих она закончилась быстрее, чем они ожидали.

— К счастью, меня не призвуют. Из-за диабета. Кстати, Билл, ты помнишь Гарри Шерера? По-моему, вы учились с ним в одном классе. В конце прошлого года его убили во Вьетнаме.

Уильям сказал, что знает об этом.

Вспомнились непрекращающийся грохот орудий, крики людей и рев моторов, тряский военный грузовик, на котором он вместе с двадцатью оставшимися от его взвода солдатами удирал из только что сданного маленького южновьетнамского города. По дороге их машину остановил врач: сломался санитарный фургон, и он попросил Морли взять раненых. Пятерых забинтованных солдат быстро погрузили в кузов и снова тронулись в путь.

Один из раненых изредка издавал стоны. Видимо, он был без сознания.

— Давайте переложим его на эту скамейку, — обратился врач к Уильяму. По-моему, здесь не так трясет.

Они осторожно приподняли солдата, Уильям увидел его лицо... Руки едва не разжались от неожиданности. Это был Гарри Шерер. В этом человеке с осунувшимся, заросшим щетиной лицом, с искусанными в кровь губами трудно было узнать прежнего Гарри, заводилу и весельчака.

— Гарри? Ты слышишь меня, Гарри? Это я, Билл Морли,— повторял Уильям, как заведенный.

Но Шерер не видел и не слышал его.

— Вы знакомы? — спросил врач.

— Да, учились в школе. Он выживет?

— Безнадежен, два пулевых ранения в живот.

Уильям молча смотрел на серую ленту шоссе, по обочине которого двигались вереницей южновьетнамские солдаты. Ему вспомнились детские годы, когда они с Гарри тайком от родителей бегали купаться на озеро, как потом, уже перед окончанием школы, были влюблены в смазливую заносчивую девчонку из параллельного класса, дочь местного адвоката. Он представил себе миссис Шерер, худую, болезненную женщину с вечно беспокойным выражением глаз.

До госпиталя Гарри не дотянул...

Мэл предложил навестить миссис Шерер, потерявшую всякий интерес к жизни после гибели единственного сына. Но Уильям отказался. Он чувствовал, что не сможет посмотреть ей в глаза, не сможет найти слова утешения.

Да сам-то Уильям остался жив, но будущее не сулило ничего хорошего. Теперь он самый настоящий преступник — в его багаже героин, и он переправляет его за границу. Рон, Клюге и многие другие торговцы наркотиками, среди которых теперь и он, Уильям, по сути дела, те же наемные убийцы — за деньги убивают людей медленной, мучительной смертью. Сколько парней и девушек были искалечены, погибли, так и не узнав, для чего они явились на этот свет.

Убийца... убийца... убийца...

Словно крохотные молоточки чеканили каждую букву: У-б-и-й-ц-а...

— Быстрее, быстрее,— кричал долговязый майор Лунс только что сошедшим с десантного судна морским пехотинцам. — Они не могли далеко уйти! Морли, бери

десять человек и иди в сторону деревни. Прочешете кустарник, стреляйте без предупреждения.

За несколько минут до этого авиация бомбила район предполагаемого местонахождения партизанской базы. Горели деревья и кустарник, зияли воронки от бомб. Стояла ночь, только луна и отблески пожара освещали местность.

— Пойдем цепочкой, интервал пятьдесят — шестьдесят шагов. Фонари использовать только в крайнем случае: могут стрелять на свет. Встретимся в деревне. А теперь быстро разобраться! — скомандовал Уильям.

Держа наготове автомат, он бодро двинулся вперед. В тишине были слышны лишь его собственные шаги, иногда он спотыкался о кочки и корни деревьев. Деревня была уже близко. Уильям спустился в небольшой овраг. Вдруг он отчетливо увидел, как рядом закачались кусты, бросился на землю и дал длинную очередь. Ветки полетели в разные стороны. Уильям подождал несколько секунд, потом медленно пополз к кустам. Вдруг он услышал слабый стон. Приблизившись, осветил кусты фонарем. На земле, широко раскинув руки, лежала молодая женщина в простом крестьянском платье. Рядом, уткнувшись лицом в траву, лежал мальчик лет пяти-шести. Наверное, деревенские жители прятались здесь от бомбежки. Мать и сын уже не подавали признаков жизни. У него перехватило дыхание, все вдруг поплыло перед глазами. Он убил ни в чем не повинных женщину и ребенка. Да, ему приходилось и раньше убивать, бросать гранаты. Но тогда перед ним были враги с оружием в руках. А здесь...

— Это вы стреляли, сэр? Что-нибудь случилось? — послышался голос одного из его солдат.

— Ничего особенного, просто показалось, что рядом кто-то шевелится. Дал очередь, потом обшарил все вокруг, но ничего не нашел. Наверное, ошибся, — с трудом проговорил Уильям.

— Может, поищем вместе? Или лучше я сбегаю, приведу еще людей, — сказал солдат.

— Нет, не надо. Пошли в деревню. Наши, наверное, уже там.

Уильяма долго мучило случившееся. Выстрели он в воздух или прикажи им выйти из кустов, женщина и ребенок были бы живы. Но он просто струсил и поступил точно так, как учил их головорез Лунс, — выстрелил без

предупреждения. Майор любил хвастаться, что самолично убил больше ста вьетнамцев.

Чем больше жертв среди мирного населения видел Уильям, тем мучительнее становилась мысль о том, что отнюдь не за тем, чтобы защитить свободу, пришли американцы во Вьетнам. Тогда кто он? Просто робот, запрограммированный на убийства?

Как-то летним вечером вместе с группой сослуживцев он сидел в баре «Стрит» на сайгонской улице Тызо (в переводе с вьетнамского — свобода). Говорили о всякой всячине, гадали, сколько еще им доведется пробыть в Сайгоне и скоро ли их снова отправят на базу.

В бар вошел майор Лунс, он был чем-то взволнован.

— Слышали новость? — спросил он, бросая на стол армейскую газету. — Лейтенант Колли* арестован и отправлен под конвоем в Америку.

— Не вижу ничего удивительного, — сказал Уильям, угрюмо глядя прямо перед собой. — Убийцы и бандиты должны отвечать за свои преступления.

— Как ты смеешь это говорить! — с негодованием воскликнул Лунс. — Теперь мне понятно, почему нам так здорово достается от вьетнамцев. Все из-за таких, с позволения сказать, гуманистов, как ты.

— По-твоему, мы должны убивать женщин, стариков и детей?

— Да. Мы должны убивать каждого, кто хоть на один процент симпатизирует партизанам и коммунистам. Иначе нам не спасти Вьетнам. Всем будут заправлять красные.

— Спаситель. Да тебя нужно отправить вместе с твоим любимым Колли в тюрьму или в сумасшедший дом. Я вообще не понимаю, зачем мы пришли сюда.

— Ну, это уж слишком. Вы слышали, какие слова произносит не какой-нибудь газетный писака или оборванец-студент, а лейтенант американской армии? До чего мы докатились! Ты еще заплатишься за это, Морли!

Взбешенный Лунс, хлопнув дверью, выскочил из бара. Несколько секунд все молчали. Потом лейтенант Грей, скромный молодой парень, тихо сказал Уильяму:

* В 1969 году по приказу лейтенанта Колли были убиты все жители вьетнамской общины Сонгми. Впоследствии специальным распоряжением президента США Колли был освобожден от уголовной ответственности.

— Зря ты связался с этим одержимым Лунсом. Он же маньяк, в каждом видит врага. Теперь наверняка накапает на тебя начальству.

— Мне уже все равно. Участие в этой войне — моя ошибка, а за ошибки надо платить, — ответил Уильям.

Через два дня его вызвал к себе командир батальона подполковник Харпер. Он бросил на Уильяма злой взгляд.

— Я не стану передавать ваше дело военным контрразведчикам, хотя ваши рассуждения, Морли, могли бы их заинтересовать. Многие наши офицеры, истинные патриоты, просто возмущены вашей пацифистской болтовней. Как же вы воспитываете своих солдат?

— Я больше не могу ни воспитывать солдат, ни воевать, ни даже находиться здесь, сэр. Пусть во Вьетнаме остаются «истинные патриоты», вроде майора Лунса. Они без угрызений совести будут жечь деревни, разбивать детям головы прикладами. А я не хочу быть даже свидетелем всего этого.

— Оставьте других в покое, сейчас речь идет о вас. Офицер с такими взглядами не может оставаться в армии.

— Я тоже так считаю. Через месяц заканчивается срок моей службы, и я подаю рапорт о демобилизации.

...Уильям почувствовал, что самолет пошел на снижение. Через несколько минут он увидел в иллюминаторе здание бомбейского аэропорта.

В зале для транзитных пассажиров не было ни одного свободного кресла. Кругом стоял шум. То и дело мелькали сикхи в разноцветных тюрбанах, женщины в нарядных сари, возились ребятишки. Было душно.

Уильям пил холодную «фанту», думая о том, что отныне ему придется привыкать к жизни в постоянном страхе, к общению с людьми, которые не вызывали у него ничего, кроме отвращения.

Пытаясь утвердиться в этой жизни, он столько раз карабкался на придуманную вершину, пусть и невысокую, но такую, где он мог бы обрести уверенность в себе, избавиться от комплексов. Но каждый раз какая-то неведомая сила сбрасывала его вниз.

В юности он мечтал поскорее окончить школу, уехать навсегда из Медфорда, провинциального городишка в штате Орегон, где у его отца был писчебумажный мага-

мичик. Вечно недовольные лица родителей, так и не до-
оившихся настоящего достатка, наводили тоску. Он ве-
рил, что у него будет другая жизнь: интересная работа,
умные, понимающие друзья, путешествия, спорт...

После окончания колледжа он поступил в Калифор-
нийский университет в Беркли. Мать регулярно перево-
дила ему деньги, хотя после смерти отца дела в магази-
не шли все хуже и хуже. После второго курса, приехав
на каникулы в Медфорд, он узнал от соседей, что у мате-
ри большие долги и ей пришлось заложить магазин вме-
сте с домом. Тогда он твердо решил оставить универси-
тет и пойти в армию. «Получу офицерское звание и смо-
гу помогать матери»,—думал Уильям. Перспектива стать
инженером с дипломом, но без работы не устраивала
его.

Две недели спустя Уильям уже находился на учебно-
тренировочной базе ВМС США. Потом Япония, Филип-
пины, Гуам. Через два года службы он получил первое
офицерское звание. А вскоре он оказался в Южном Вьет-
наме в составе расположенной в Дананге четвертой ди-
визии американской морской пехоты. За время службы
он только один раз побывал в Америке, на похоронах
матери...

Пассажиров снова пригласили на посадку. Уильям
прошел в салон, занял свое место. Стюардесса принесла
газеты. Не успев раскрыть первую из них, Уильям увидел
заголовок: «Трое австралийцев пойманы с героином». Е-
му стало не по себе, он чуть не выронил газету. С ми-
нуту сидел, закрыв глаза. Потом снова взглянул на фо-
тографию. Двое парней и девушка, растерянные и без-
участные, стояли перед таможенным контролером. Сту-
денты провозили героин из Гонконга в Амстердам.

Ему часто приходилось читать подобные сообщения.
Раньше он относился к ним равнодушно. Считал, пре-
ступников постигла справедливая кара. Порой он даже
немного жалел ребят, занявшихся этим отвратительным
делом. Но теперь он и сам — один из них. Кто знает, не
появится ли завтра в вечерних газетах еще одно сообще-
ние на эту тему: в аэропорту Копенгагена задержан быв-
ший офицер американской армии Уильям Морли, пы-
тавшийся ввезти в страну крупную партию героина.

Уильям отложил газету, закурил. Почувствовал ча-
стое сердцебиение. Его раздражало все — шум моторов,

хождение стюардесс и пассажиров. Он огляделся, все смотрят на него. Вот сейчас они схватят его и начнут избивать. Нет, так можно сойти с ума. Это настоящий кошмар. Уильям взглянул на часы: ого, после Бомбея уже прошло около трех часов. Для него они пролетели, как несколько мгновений. Наверное, в таком состоянии он напрочь утратил чувство времени. Так недолго и вовсе потерять над собой контроль. А это погубит его.

Уильям нажал кнопку вызова стюардессы. Вскоре подошла молодая девушка.

— Что вы хотите, сэр?

— Коньяк.

Расплатившись со стюардессой, Уильям залпом выпил изрядную дозу. Почувствовал, как тепло сразу пошло по всему телу. Остальное допил в два приема. Соседи удивленно смотрели на него.

Постепенно Уильям стал успокаиваться.

...Таможенный контролер резкими движениями стал вынимать из его багажа все содержимое. Затем нажал кнопку звонка. Появились еще двое мужчин. Они начали проверять вещи. Один из них взял отвертку и ловко расщепил крупную деревянную статуэтку. Раздался треск, и на голубой пластик стола упало несколько прозрачных мешочков с белым порошком. Уильям почувствовал, как у него закружилась голова, ослабли ноги. Еще мгновение, и он свалился бы на пол. Его поддержали. Какая-то женщина поднесла флакон с нашатырным спиртом. Рядом толпились полицейские, вспышки фотоаппаратов то и дело били ему в глаза. На столе таможенника лежат мешочки с героином. Мужчина с блокнотом, наверное журналист, что-то быстро записывает, задает вопросы сначала таможеннику, потом полицейскому.

Он уже в наручниках. Его выводят на улицу, сажают в машину. Потом какие-то коридоры, комнаты. Уильяму делают укол, еще один. Задают много вопросов. Он отвечает почти машинально, рассказывает о своих встречах с Роном, дает его адрес, сообщает все, что ему известно о Ключе. Потом дрожащей рукой подписывает протокол допроса.

Он не в силах определить, сколько времени находится в камере — два, три дня, неделю. Тюремщик приносит ему еду, водит в туалет. Уильям пытается заговорить с ним, но тот не понимает по-английски. Он все еще находится в полузабытьи, но постепенно начинает осознавать случившееся. Что с ним теперь будет? Передадут дело в

суд или продолжат следствие? Рон, Ключе и вся их банда наверняка уже знают о его провале. Может быть, их тоже арестовали. Но все равно эти подонки сначала постараются отомстить ему. У них есть такая возможность. Тянь! Они убьют ее. Сначала будут долго издеваться. Как же он смог допустить, чтобы Тянь попала в руки к этим бандитам? Скорее, скорее надо что-то предпринять. Предупредить следователей. Может, еще не поздно. Он подходит к двери, начинает кричать...

...Уильям видит перед собой испуганное лицо стюардессы.

— Что с вами? Вы так кричали.

— Я очень болен. Малярия. Наверное, мне не следовало лететь самолетом.

— Не нужны ли вам лекарства? У нас есть небольшая аптечка.

— Нет, спасибо. Долго еще нам лететь?

— Около двух часов.

Слава богу, это был сон, подумал Уильям. Но не известно, что ждет его дальше. Может, будет еще хуже. Скорее бы кончился этот кошмар! Это же настоящая пытка, долгая, мучительная пытка. Вдруг он теперь не сможет совладать с собой? Неужели все в его положении чувствуют себя так же?

Самолет пошел на посадку. Была уже ночь, на улице моросил дождь. Уильям прошел в зал аэропорта. Как ни странно, он совершенно перестал нервничать. Его словно подменили. Прошел все формальности паспортного контроля, спокойно заполнил анкету. Вскоре подвезли его багаж. Уильям подошел к таможенному контролю. Он был абсолютно уверен, что повторится картина, виденная им во сне. Вот сейчас таможенник полезет в чемодан...

Пожилой контролер лениво взглянул на багаж Уильяма.

— Откройте чемодан,— вяло сказал он.

Затем стал перебирать вещи. Наткнулся на небольшой эстамп, повертел его в руках, отодвинул в сторону деревянного слона. Уильям ждал, когда он нажмет на кнопку звонка и вызовет экспертов. Да, он уже приготовился. Сейчас он услышит этот сигнал. Он уже знает, что случится дальше.

— Что у вас в коробке?

— Деревянные фигурки, три картины, подушка из тайского шелка,— заученно ответил Уильям.

— Проходите,— спокойно сказал таможенник и повернулся к стоявшей за Уильямом женщине.

Ничего не понимая, Уильям взял свой багаж и прошел к выходу. Его сразу же опьянил влажный ночной воздух. Постояв минут пять на улице, он взял такси, назвал гостиницу. Машина въехала в спящий город.

Неужели все кончилось? Завтра он отделается от всей этой дряни, получит деньги и постарается не вспоминать пережитое. Уильям взглянул на часы. Было около двух ночи.

«Почему завтра? Сегодня»,— подумал Уильям и облегченно вздохнул.

5.

Темно-синий «форд» мчался по гладкой асфальтовой дороге. Уильям спешил. Он то и дело поглядывал на часы. Рон ждет его уже минут двадцать. Наверное, нервничает и ругается. Наконец машина выехала на Патипат, одну из отдаленных бангкокских улиц. Здесь в небольшом ресторане он должен был встретиться с Роном.

Брайтон сидел за столиком в углу зала. За последнее время он сильно похудел, осунулся. Постоянно срывался, был грубым и раздражительным.

— Где ты опять болтался столько времени? — спросил он вместо ответа на приветствие Уильяма.

— Сам же просил, чтобы я перед встречей покрутился по городу, проверил, нет ли «хвоста».

— Ну и как?

— Все хорошо.

— Значит, они тебя еще не заметили. Это пока дает нам возможность работать.

— А как ты, все прячешься?

— Удалось скрыться от них, неизвестно только, надолго ли. Ты же знаешь, что две недели назад они обстреляли мою машину, когда я въезжал к себе во двор. Теперь меняю гостиницы. Тесть вместе с Мэй уехал из Бангкока, живут в провинции у своих друзей. Черт знает что такое!

Эта неприятная история началась около года назад. У их «фирмы» появились сильные конкуренты. Сначала

крупный опиумный торговец Чен сотрудничал с ними, поставлял героин. Потом нашел других покупателей и решил обойтись без посредников, что здорово ударило по карману Рона, его тестя и их сообщников. Но это было еще не самым страшным. По-видимому, новые заокеанские компаньоны Чена захотели установить монополию на героин из Таиланда. Представители Чена требовали от Сурина и Рона полностью прекратить поставку героина за границу. Они предлагали перепродавать наркотик им. В противном случае угрожали разрушить все их предприятие. Поначалу Рон и Сурин думали, что их хотят взять на испуг, и после недолгого разговора прогнали людей Чена. Как выяснилось, они недооценили силы и возможности конкурентов.

Расплата последовала незамедлительно. Конкуренты действовали наверняка. Они выследили и перехватили двух «курьеров», отобрав у них весь порошок, разгромили и сожгли лабораторию недалеко от Чиенграя.

Рон и его сообщники попытались предпринять контрмеры. Ключе стал следить за Ченом, но едва не заплатил за это жизнью. На него напали прямо на улице и нанесли несколько ударов ножом. Он пролежал в больнице около месяца, а теперь тоже где-то скрывается. Уильям не видел его по крайней мере месяца три. А совсем недавно стреляли в машину Рона около его дома. Уильям был неизвестен банде Чена, и поэтому на него сейчас легла почти вся тяжесть работы. Он подыскивал «курьеров», передавал им героин. Ему часто приходилось ездить за ним в Чиенграй. Там была еще одна лаборатория, и несколько местных китайцев скупали опиумсырец у горных племен и перерабатывали его. Это, по-видимому, тоже не было известно Чену. Пришлось отказаться от услуг всех старых «курьеров» — многих из них знали конкуренты.

— Когда ты встречаешься с этим парнем? — спросил Брайтон.

— Сегодня вечером.

— Будь осторожен. «Товар» привез?

— Да, еще на той неделе. Вчера весь вечер запикивал его в магнитофон и стереодинамики.

— Как ты думаешь, он согласится?

— Наверное. Ему очень нужны деньги. Практически я уже уговорил его. Сегодня он должен дать ответ.

— Хорошо. Завтра вечером я позвоню тебе.

Из ресторана Уильям сразу поехал домой. По дороге ему вспомнились все события, происшедшие с ним за эти два с лишним года. Все одно и то же. Частые рискованные поездки в страны Европы и Америки, в Сингапур и Гонконг. Полтора года назад он по рекомендации Сурина вышел из их фиктивной фирмы и стал числиться финансовым посредником. Из-за этого, он, наверное, и не попал в поле зрения банды Чена.

Для всех остальных он был преуспевающим бизнесменом. Снимал дорогую виллу, имел машину. Тянь ничего не подозревала, считая, что им повезло в жизни. Год назад у них родился сын. Внешне все выглядело хорошо.

Тянь гуляла с малышом в саду. Уильям сел в кресло рядом с ними, развязал галстук, закурил сигарету. Мысль о предстоящей вечером встрече не давала ему покоя. Он всегда волновался перед беседой с будущими «курьерами». В душе ему было жаль этих ребят, попавших в сети его шайки. Уильям вспоминал, как самому было тяжело решиться вступить в «дело».

— Ты чем-то расстроен, Билл? — спросила Тянь.

— Нет, с чего это ты взяла. Просто я немного устал. Сейчас отдохну, а вечером мне опять предстоит работа. Надо встретиться с одним бизнесменом.

— Билл, я давно хотела поговорить с тобой. Скажи мне, что происходит в последнее время? Ты стал нервным, раздражительным. Два дня назад ночью бредил, заставлял кого-то везти в Америку героин, угрожал расправой.

Уильяму стало не по себе. Он изобразил улыбку, потом преувеличенно громко рассмеялся.

— Ну конечно же! В понедельник днем забрел в «Директор». Там шло «Убийство в Амстердаме», фильм о торговцах наркотиками. Почему это тебя так беспокоит?

— Билл, но это случалось с тобой и раньше. По ночам ты часто просыпался, бредил, будто ты в полиции, где тебя задержали с наркотиками, умолял кого-то не убивать тебя, кричал, что не знаешь, где спрятан героин. В чем дело, Билл?

— Перестань говорить ерунду! Мало ли что может присниться человеку. Ты же знаешь, я очень впечатлительный, а здесь то в газетах, то по телевидению или в кино почти каждый день идут сообщения об этих тор-

говцах наркотиками. По-твоему, я должен отвечать за то, что мне снится?

— Просто я очень беспокоюсь за тебя. Особенно после случая с этим Ключе. Раньше он несколько раз бывал у нас, часто звонил тебе. Когда в газетах появилось сообщение, что на него напали на Петбури и несколько раз пырнули ножом, одна подруга сказала мне, будто Ключе был связан с торговцами наркотиками и они хотели наказать его за что-то.

— Ключе связан с торговцами наркотиками! Да ему кроме бутылки виски ничего не надо. Просто он, пьяный, стал приставать на улице к какой-то девчонке. А тут подросел ее парень и сгоряча полоснул его ножом. Ключе сам в больнице рассказывал об этом моим друзьям.

Его ложь, почувствовал Уильям, немного успокоила Тянь. Она ласково посмотрела ему в лицо и сказала:

— Прости, что я заговорила об этом. Но я так волнуюсь за тебя. И потом ты в последнее время стал много пить. Раньше этого не было. Может быть, все же что-то тревожит тебя?

— Послушай, Тянь, не забивай себе голову разными фантазиями. Просто работа моя достаточно сложна, вот порой и переберешь спиртного, чтобы расслабиться.

«Она начала догадываться о моем занятии, — думал Уильям. — Сегодня мне удалось разубедить Тянь. А что будет дальше?»

Заснуть он так и не смог — сказывалось нервное напряжение. В шесть часов он собрался и выехал из дома.

В небольшое кафе на Сиамской площади Уильям пришел на десять минут раньше назначенного времени. Он занял столик, заказал бутылку пива. Решил сегодня воздержаться от крепких напитков.

Предстояла беседа с Ричардом Стоуном, американцем двадцати двух лет. Из-за смерти родителей он не смог продолжить учебу в университете и уехал из Америки в Таиланд. Здесь снимал фильмы и продавал их американским телекомпаниям. Женился на тайке из бедной семьи. У жены были тяжелые роды, и она пролежала в больнице больше месяца. Стоун залез в долги, и теперь ему нечем расплачиваться. Брайтон узнал об этом через своих знакомых, и вывел Уильяма на Стоуна. Этот парень почти у них в руках. Осталось провести заключительную беседу.

Стоун вошел в кафе. Увидев Уильяма, направился к его столику. Выглядел он подавленным. Уильяму и преж-

де доводилось встречаться с такими ребятами. Они попадали к ним в сети случайно, оставшись без денег, имея большие долги. Когда-то Рон правильно сказал: все «одноразовые курьеры» рано или поздно возвращаются к этому занятию. Плата за перевозку героина отравляет человека не хуже самого наркотика. Возникает потребность в такого рода денежных инъекциях.

Правда, не все «курьеры», проходившие через руки Уильяма, искали выхода из критической ситуации. Некоторые шли на преступление сознательно, с большой охотой. У них глаза загорались при упоминании о крупных суммах, которые сулил им провоз героина. Таких людей Уильям откровенно презирал. Но сейчас он презирал самого себя. За малодушие, трусость, позволившие Рону втянуть его в это грязное дело.

Новый, только что завербованный им «курьер» ушел, а Уильям, погруженный в безрадостные размышления, все никак не мог уйти из кафе.

Как быть дальше? Все равно рано или поздно до него доберутся. Все эти авантюры с наркотиками добром не кончаются. А что, если скрыться от них? Денег у него много. Забрать жену и сына и уехать куда-нибудь в Латинскую Америку или в Австралию. Он думал об этом и раньше. Наверное, так рассуждал не он один. Может быть, и Рон где-то в глубине души мечтает об этом. Но ведь Рон, а тем более он, Уильям, лишь пешки в большой игре. У них есть хозяева, которых они даже не знают. Но те-то знают о них все и постоянно следят за ними.

Как-то в хмельном угаре Ключе крикнул Суринау: «Смотри, как бы о твоих делах не узнал Паук!»

«Кто это такой?»— спросил их Уильям. Но ни тот, ни другой не ответили и быстро сменили тему разговора.

Мафия не допустит, чтобы кто-то скрылся с ее секретами. Сколько раз он слышал об этом! Какой-то их компаньон, однажды рассказал ему Ключе, лет десять назад решил выйти из игры. Он сумел за большие деньги внести свое имя в списки пассажиров, погибших в авиационной катастрофе, и даже устроил собственные похороны. Потом поселился в Мексике под чужим именем, держал телохранителей. Все равно его разыскали и убили.

Даже если Уильяму и удастся скрыться, он будет жить в постоянном страхе, подвергая опасности свою семью. Неизвестно еще, что лучше. Нет, уж пусть все остается, как есть.

Рон позвонил в понедельник утром, они договорились о встрече. По голосу Уильям понял, что тот нервничает.

«Опять что-то случилось»,— думал Уильям, ожидая Брайтона в маленьком кафетерии при кинотеатре.

Рон опоздал на полчаса. Уильям заметил, что у него утомленное лицо, воспаленные красные глаза человека, страдающего бессонницей.

— Что с тобой? Ты так скверно выглядишь.

— Еще бы. Не сплю пятаю ночь. Никакие лекарства не помогают.

— Что случилось?

— Подожди, сейчас все расскажу. Дай немного отдышаться.

Брайтон залпом выпил стакан пива, закурил сигарету. Руки у него дрожали. Стоило хлопнуть двери, как Рон испуганно поднимал голову. Он напоминал загнанного зверя. Взглянув на Уильяма, Брайтон сказал сдавленным голосом:

— Все кончено. Чен нанес нам последний удар. Три дня назад его люди напали на нашу лабораторию под Чиенграем. Уничтожили все оборудование, похитили крупную партию готового к отправке героина. Пичай тяжело ранен и находится в критическом состоянии. Его помощник исчез. Наверное, он навел на лабораторию банду Чена. Это был наш последний источник получения порошка. Теперь Чен добился своего. Мы остались не у дел, за океан отправлять больше нечего.

Уильям молча смотрел на Рона. Он не знал, стоит ли еще о чем-то спрашивать.

— Ты что думаешь, мы все соберемся, выпьем на прощание по рюмке и разбежимся в разные стороны? — зло бросил ему Брайтон. — Не тут-то было. Нам не позволяют сделать этого. Хозяева теряют миллионы из-за того, что Чен связался с нашими конкурентами.

Брайтон перевел дыхание, потом сказал:

— Сегодня соберемся в «Рексе», в номере Ключе.

Когда все были в сборе, Рон заговорил первым:

— Ситуация критическая. Наш шеф в ярости. В этом году мы отправили порошка в десять раз меньше, чем в прошлом. Мы несем колоссальные убытки, у нас перебивают клиентуру. Ну, а теперь Чен лишил нас последней возможности провозить товар. Мы должны срочно испра-

вить положение. Иначе я не знаю, что ждет всех нас. Вы понимаете меня?

Все молчали. Ключе сидел в кресле, втянув голову в плечи. Сурин нервно жевал потухшую сигару. Его племянник Ниссай испуганно смотрел на него. Уильям, примирившись с судьбой, равнодушно наблюдал за этим сборищем.

После недолгой паузы Рон продолжал:

— Гюнтер, что нового тебе удалось узнать о Чене?

— Живет в загородном доме, весь обложился охранной. Туда нам не подступиться.

— Я имею в виду не это. Ты говорил, что у тебя есть сведения о том, что Чен и его компания провинились перед бывшими гомиьндановцами. Удалось узнать еще что-нибудь?

— Да. По заданию своих новых хозяев Чен собрал полные сведения о гомиьндановцах, расположении их баз, опиумных плантациях. Он отправил эти данные в Америку со своим сыном.

— Отлично,— сказал Рон,— гомиьндановцы держат сведения такого характера в глубокой тайне. Если они узнают об этом, Чену и его друзьям не поздоровится. Они не только перестанут продавать им сырец, но и ликвидируют все их лаборатории. Чену придется забыть дорогу в Золотой треугольник. На этом мы можем сыграть. Сперва Чен примет наши условия, а потом с помощью тех же гомиьндановцев мы вышвырнем его шайку из всех опиумных районов Таиланда. Все хорошо в этом плане, кроме одного. У нас нет никаких доказательств. На слово нам никто не поверит.

— Доказательства будут. Очень скоро. Мне уже удалось выяснить кое-что о сыне Чена. Парень наверняка в курсе отцовских дел, сейчас он его главный помощник,— вступил в разговор Ключе.

— Молодец, действуй. Только будь осторожен, как бы тебя опять не продырявили.

Довольный похвалой шефа, Ключе взял бутылку виски и хотел налить себе, но Рон одернул его:

— Перестань. И так пьешь с самого утра. Мы тут обсуждаем серьезные вещи, а тебе лишь бы надраться. Теперь перейдем к главному,— властным голосом продолжал он. — Как вы знаете, мы сейчас не можем делать порошок. Наш бизнес остановился. Нужно восстановить его как можно быстрее. Крайний срок — месяц. Так сказали там... К нам на помощь приехал Праман. Он родил-

ся и вырос в Таиланде. Пять последних лет жил в Штатах. Имеет диплом фармацевта. Героин делает с закрытыми глазами.

Праман под видом аптеки откроет в Майчане, недалеко от Чиенграя, лабораторию и будет производить товар. Завтра же он поедет в Чиенграй, а оттуда — в Майчан. С ним поедет Уильям. Нужно будет пробраться в горы и договориться с племенами о покупке опиума-сырца. Ведь все наши прежние связи обрубил Чен. Поедете поездом, там возьмете напрокат машину. Ну, а теперь выпьем за успех нашего нового дела. Гюнтер, ты еще не умер от жажды? Бери стаканы, разливай.

6.

В Чиенграй Уильям с Праманом ехали в двухместном купе. Поезд вышел рано утром, предстояла утомительная пятнадцатичасовая поездка.

За окном промелькнули пригороды Бангкока, маленькие деревянные домишки, тихие улочки окраин, ведущие к загородному шоссе. Потянулись рисовые поля, казалось, им не будет конца. Они простирались до самого горизонта. На полях копошились крестьяне в соломенных шляпах, все в темно-синей одежде. Лениво передвигались под полуденным солнцем буйволы.

Вскоре поезд уже мчался через огромные фруктовые плантации. Изредка между стройными пальмами и манговыми деревьями проступали лачуги с соломенными крышами — жилища сборщиков фруктов.

Поезд остановился на несколько минут на маленькой станции. Его сразу же осаждали мужчины, женщины, дети. Одни протягивали в окна гроздь бананов, кокосовые орехи, ананасы. Другие просили милостыню.

Уильям приоткрыл окно и кинул десятибатовую бумажку стоящей рядом босоногой девчужке в рваном платице. Она быстро подхватила деньги, улыбнулась ему и побежала по платформе.

Поезд тронулся. За окном снова потянулся тропический лес.

— Создатель щедро одарил вашу страну,— сказал Уильям Праману. — Природа сама отдает людям свои

богатства. Лучших условий для сельского хозяйства и не придумаешь.

— Да,— ответил Праман.— Одарил-то он ее щедро, только потом позабыл о ней напрочь. А вы что, господин Морли, верующий?

— Конечно, моя мать была лютеранкой. Да и отец верил в бога. Правда, я не помню, чтобы он ходил в церковь. Но разве в этом дело? Во Вьетнаме я знал одного майора. В Сайгоне он то и дело произносил молитвы, но это не мешало ему убивать женщин и детей. Наверное, думал, что бог с ним.

— А я не верю в бога,— сказал после некоторой паузы Праман,— хотя у нас в стране почти все буддисты, все верующие. Но я с богом расстался, когда начал торговать белым порошком. Все равно на это будда не дал бы мне благословения. Не хочу быть похожим на вашего майора из Вьетнама. В такие дела бога не впускать.

Сначала Уильям попробовал было читать. Потом снова разговорился с Праманом. Обсуждали предстоящую операцию в Майчане.

— Несколько лет назад я бывал там очень часто, остались кое-какие связи,— сказал Праман.— Попробуем их использовать. Сейчас главное — удачно начать и не попасться на глаза людям Чена. Судя по всему, у них сильные позиции в Чиенграе.

Уильям посмотрел на Прамана. На вид ему было лет тридцать. Гладко зачесанные волосы, темные очки. Держится уверенно и непринужденно.

— Простите за нескромный вопрос, мистер Праман, как вы начали заниматься наркотиками, что вас толкнуло на это?

— Я вырос в китайской семье среднего достатка. Отец владел небольшой аптекой. С четырнадцати лет я стал помогать ему. В семье нас было девять детей, из них шесть мальчиков. Так что надеяться на какое-то наследство не приходилось. Я слышал, что торговцы героином получают огромные барыши. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, случайно узнал, что владелец одного китайского ресторана якобы связан с торговцами героином. Тогда я был молодой и наивный, пошел к нему и прямо попросил, чтобы он взял меня в дело. Официанты избили меня до полусмерти и выкинули на улицу.

Способ приготовления героина был мне известен. Я поехал в район Золотого треугольника, остановился

в маленькой деревушке, где жили мео*, и организовал на месте производство героина. Скупал у них опиум-сырец. Жил в заброшенной хижине, вырыл там большой погреб, где и устроил лабораторию. Платил ежемесячно старосте деревни двести бат, чтобы держал язык за зубами. Оборудование было примитивное, за месяц я делал не больше пятисот граммов порошка. Сам отвозил его в Америку. По ночам продавал в маленьких пакетиках там, где собирались наркоманы. Об этом стало известно моим теперешним друзьям. Они перехватили меня в Нью-Йорке, долго допрашивали, проверяли. А потом я стал работать на них.

Праман улыбнулся.

— Вы думаете, я сейчас попрошу вас рассказать о себе? — сказал он. — Нет, мне это ни к чему. Я и так знаю вашу историю.

— Не удивительно. Скажите мне лучше, вам не страшно, не боитесь рано или поздно попасться с поличным?

— И страшно бывает, и думаю я об этом часто. В общем-то готов ко всему. Поэтому до сих пор не женат. Не хочу делать близких людей несчастными.

Праман молчал несколько минут, потом сказал:

— Вы знаете, мистер Морли,— я люблю это дело, потому что за большой риск и деньги получаешь большие. Вы что, думаете, автогонщик любит свою работу за ощущение скорости, а акробат — за полеты под куполом цирка? Или их обоих привлекает риск? Нет, рисковать никто не любит. Ни один умный человек не станет подвергать свою жизнь опасности просто так. Рискуют за деньги. Ради них рискую и я. Богатство — вот мое кредо. И плевать я хотел на тех, кто колется моим героином. Это их личное дело. Не я, так другой продаст им белый порошок.

В Чиенграе обосновались в маленькой гостинице.

— Вам лучше пока оставаться здесь, мистер Морли,— сказал Праман Уильяму утром.— Без причины не стоит появляться в городе. Я пойду доставать машину. Попробую одолжить пикап у одних знакомых.

Праман вернулся только после обеда. Он был в хорошем настроении.

* Горные племена народности мео.

— Все в порядке. Сейчас поедem в Майчан. Остановимся у моего старого друга, у него собственный дом. Он и поможет мне снять помещение для аптеки.

Праман оказался великолепным водителем. С бешеной скоростью он гнал выдавший виды полугрузовой «датсун» по извилистой горной дороге. До Майчана они доехали меньше чем за два часа. Остановились у большого деревянного дома, построенного в старом тайском стиле. Во дворе их встретил пожилой сутулый таец в панунге*. Они прошли в дом.

Господин Ману, так хозяин представился Уильяму, жил один. По дороге Праман рассказал Уильяму, что Ману — бывший полковник медицинской службы тайской армии. Сейчас на пенсии. Его жена умерла несколько лет назад, взрослые дети жили в Бангкоке. Больше он ничего не стал говорить об этом человеке и о своих отношениях с ним.

Уильям хорошо владел тайским языком, и разговор Прамана с Ману был ему понятен. Говорили о каких-то старых знакомых, потом Праман интересовался, возможно ли открыть в ближайшее время в Майчане аптеку. Ману обещал содействие.

После легкого ужина стали готовиться ко сну. Дом был большой, и хозяин предоставил каждому из гостей по отдельной комнате.

Утром Праман и Ману ушли по делам. Уильям остался один. Сначала он читал. Потом стал ходить по дому и разглядывать развешенные по стенам многочисленные фотографии. Перед ним как бы проходила жизнь хозяина дома. Вот он мальчиком запечатлен вместе с родителями, братьями и сестрами. А здесь он уже в форме кадета военно-медицинского училища, дальше — взрослый мужчина с женой и маленьким сыном. А с кем он снят на этой фотографии? Удивительно знакомое лицо. Боже, да ведь это Сурин, тесть Рона Брайтона! Стоит рядом с Ману на фоне дома, где они сейчас остановились. Снимок сделан лет пятнадцать назад. Тоже мне, старый друг Прамана! Он входил в эту шайку, когда Праман и не ведал о ее существовании.

«Да, видно, мне не очень доверяют», — подумал Уильям. Ведь Праман не сказал ему, что Ману работает с ними. Интересно, какова роль самого Уильяма в опе-

* Национальная одежда тайцев: кусок ткани, обернутой вокруг бедер в виде длинной юбки.

рации. Ведь до сих пор он пальцем о палец не ударил, всю работу ведет Праман. Положение незавидное. Бредешь, как слепой за поводырем, и не знаешь, куда тебя ведут, что с тобой будет дальше.

Так прошло два дня. Уильяму надоело сидеть дома. Ману и Праман куда-то уходили каждое утро. И Уильям стал один выходить в город, который можно обойти за час. Здесь было гораздо прохладнее, чем в Бангкоке. Уильяму, отвыкшему от пеших прогулок, нравилось бродить по улицам, заглядывая на базары и в магазины.

На четвертое утро его разбудил Праман.

— Поедем сегодня после обеда. Только вот машина не совсем в порядке, зажигание барахлит. Сейчас съезжу в автомастерскую. Вернусь к часу, тогда начнем собираться. Идите вниз, Ману ждет вас завтракать.

Уильям спустился вниз. Ману в домашнем халате сидел за столом. Он встретил Уильяма приветливой улыбкой. Служанка подала омлет и кофе.

— Хочу сделать на память о вашем городе несколько снимков,— сказал Уильям, закончив завтрак.

Ману одобритительно кивнул.

Пройдя квартал, Уильям вспомнил, что пленка в кассете кончилась, а новую он забыл в своей комнате. Решил вернуться домой.

У самой двери он услышал, что хозяин разговаривает с кем-то по телефону. Разговор заинтересовал Уильяма. Он остановился, стал прислушиваться.

— Оба ушли, но скоро должны вернуться... Сегодня после обеда, да, вдвоем... Не знаю, он мне не говорил... Нет, спрашивать я ничего не буду. Какая разница, куда они едут, все равно вернутся сюда.

Ману долго слушал собеседника, а потом ответил:

— Послушай, Сувит. Больше я ничего не буду делать. Вам-то что, а мне потом не сдобровать. Так и передай шефу. Понял? Я сделал все, о чем вы меня просили. Хватит. Вы же знаете, где он теперь будет. Меня больше не беспокойте.

На этом разговор закончился.

Уильям быстро вышел из сада, оглянулся и увидел в окне Ману. Тот наверняка его заметил. Лицо старика приняло испуганное выражение.

«Разговор явно шел о нас с Праманом. Кто-то интересовался нашим предстоящим маршрутом. Ману от чего-то отказывался,— размышлял Уильям.— Все очень подозрительно. Может быть, Ману выдал нас полиции

или банде Чена? По обрывкам телефонного разговора именно это и можно предположить. Скорее всего старик заметил, что Уильям подслушал его разговор. Что он предпримет теперь? Надо обязательно рассказать о случившемся Праману».

Когда Уильям вернулся, Праман уже сидел вместе с Ману за обеденным столом. Очевидно, они не приступали к еде, ожидая его прихода.

Ману, увидев Уильяма, снова улыбнулся, но на этот раз глаза старика были холодными и злыми. Он тотчас распорядился подавать обед.

— Послушай, Праман, — сказал Ману, едва попробовав суп.—Сегодня звонил мой друг. Он достал для тебя большую партию лекарств со скидкой, как мы и договорились. Спрашивал, можешь ли ты забрать их сегодня. Я ему ответил, что ты уезжаешь, естественно, не сказал, куда. Он просил, чтобы я взял их и оставил у себя дома, но я отказался. Сказал, что ты заберешь их сам после приезда. Ты уж прости меня, но я не стал делать этого. Одно дело оказывать посредничество, а другое — устраивать у себя дома склад медикаментов.

— Правильно сделал,—отметил Праман.—Приеду и сам заберу их. Ты и так много для меня сделал. И аптеку подыскал, и помог ее быстро отремонтировать. Остальное я сделаю сам.

«Вот он как все закрутил,— подумал Уильям.— Догадался, что я слышал его разговор, и ловко приплел лекарства. Ведь речь шла совсем о другом. А теперь из-за выдумки старого лиса Праман не поверит мне».

После обеда Ману, извинившись и любезно попрощавшись, отправился отдыхать. Они стали собираться в дорогу. Уильям вышел в холл и остановился от неожиданности. Он не узнал Прамана. Тот был одет в дешевую выцветшую майку, вымазанную машинным маслом, и в старые линялые шорты, трудно было даже определить, какого они цвета. На ногах у него были изношенные резиновые сандалии.

— Что, не ожидали увидеть меня в таком наряде? Сегодня достал этот хлам в гараже. Ведь я буду действовать как шофер, которого наняли доставлять в город овощи. У меня есть и соответствующие документы. А вы, мистер Морли, станете американским туристом, который желает посетить горные районы и попросил бедного тайского шофера подвести его туда. Поэтому возьмите с собой фотоаппарат для убедительности.

Праман гнал машину по ровной асфальтированной дороге. Уильям не спрашивал, куда они едут. Он думал о другом. Из головы не выходил телефонный разговор Ману. Наконец он решил поделиться с Праманом.

— Послушайте, мистер Праман, Ману сказал вам неправду. Я случайно слышал его разговор по телефону. Вернулся домой за фотопленкой, а он в это время разговаривал о нас с каким-то Сувитом.

— О чем именно?

— Из обрывков разговора я понял, что этот Сувит интересуется нашими планами, в частности, куда мы едем. Ману раньше уже информировал его и больше не хочет за нами шпионить. Просил передать это шефу. А разговор о друге, якобы доставшем лекарства, он завел специально, чтобы отвести от себя подозрения.

Праман, сбавив скорость, удивленно посмотрел на Уильяма.

— Что за ерунда, ничего не могу понять,— сказал он.— Почему вы вдруг заподозрили старика? В том, что вы мне сказали, я не вижу ничего особенного. Весь этот разговор совпадает с рассказом Ману о медикаментах. Правильно, его спрашивали, куда я поехал и когда приеду. Ману отказался брать лекарства. Почему вы решили, что он шпионил за нами? Потом, вы слышали разговор, так сказать, с одного конца провода, да еще на чужом языке. Может, что-то и не так поняли.

Праман явно не хотел принимать во внимание версию Уильяма. После недолгой паузы он добавил:

— Мистер Морли, возможно, мне и не следует вам этого говорить, но я все же хочу рассказать кое-что о Ману. Двадцать лет назад по распоряжению командования расположенной в районе Майчана пехотной дивизии был арестован майор Сурин Конглет. Да, тот самый Сурин, которого вы хорошо знаете. Его обвинили в торговле наркотиками и передали дело в военный суд. Парню грозило пожизненное тюремное заключение. Он стал симулировать сумасшествие. Ему помог старший военный врач той же дивизии — наш общий знакомый Ману, которого вы обвиняете черт знает в чем. Он уложил Сурина в госпиталь и устроил все так, что комиссия признала его душевнобольным. Правда, здесь, конечно, не обошлось без кругленькой суммы. Но зато с Сурина сняли все обвинения — какой спрос с сумасшедшего. Списали его по болезни из армии. Но я думаю, он об этом не очень-то и жалел. С тех пор они с Ману друзья. Все это

время он был нам верным помощником, не раз выручал наших людей, в том числе и меня. Ему полностью доверяют, иначе я бы не обратился к нему. В такой момент мы не можем рисковать, прибегая к помощи непроверенных людей. Поэтому я советую вам не придавать значения этим фантазиям. Конечно, нервы у нас напряжены, мы устали, тут и не такое померещится. Скажите мне лучше, вам часто приходилось ездить верхом?

— Не очень. Когда учился в университете, несколько раз ходил с друзьями в платный манеж.

— Думаю, этого достаточно. В скачках мы участвовать не будем, для вас главное — не свалиться с лошади.

— Причем тут лошади? Мы же едем на машине.

Праман усмехнулся.

— Туда не пройдет ни одна машина. Придется пробираться горными тропами. Честно скажу, маршрут не из легких. Нам надо одолеть его за одну ночь. Днем над этими участками кружатся, как стрекозы, полицейские вертолеты.

Они уже были в дороге около четырех часов. Асфальт давно кончился, и машина тряслась на плохо наезженной грунтовой дороге. Сумерки стали сгущаться, и Праман включил фары. Наконец машина остановилась у небольшого дома с двумя сараями. За ним начинался лес.

— Все,— сказал Праман.— Тут мы сделаем пересадку.

Здесь Прамана хорошо знали. Он оставил Уильяма около дома, а сам отошел с хозяином к одному из сараев и стал с ним о чем-то договариваться.

Вскоре послышался шум мотора. Это Праман загонял машину в сарай. Потом появился хозяин, он вел за собой двух низкорослых лошадей. Праман вытащил из-под сидения два длинных фонаря, один дал Уильяму.

Хозяин что-то кричал Праману, показывая в сторону леса. Очевидно, напоминал дорогу. Праман кивал головой, потом на прощание помахал рукой.

В лесу они включили фонари. При их свете можно было с трудом различить узкую тропинку. Было темно, пахло сыростью. Лианы и ветки то и дело цеплялись за голову, за руки, и Уильяму всякий раз становилось не по себе. В свете фонарей ему чудилось, будто на деревьях шевелятся змеи и они вот-вот упадут на него. В лесу на разные голоса кричали вспугнутые ими птицы. Было очень трудно дышать из-за терпкого запаха тропических растений.

Светила луна. Ехали молча, Уильяму не хотелось ни о чем спрашивать своего спутника. Тот тоже не начинал разговора. Так прошло часа два. Наконец лес кончился, и они выехали на огромную поляну, раскинувшуюся у подножия горы. Уильям жадно вдыхал прохладный чистый воздух. Здесь они стали подниматься в гору.

— Будьте осторожнее,— посоветовал Праман, когда они выехали на узкую тропу на склоне горы.

Над ними и внизу теснились отвесные скалы, кое-где поросшие кустарником. Рядом с тропой зияла пропасть. Уильям старался не смотреть туда. Он то и дело направлял лошадь влево, поближе к скале,— боялся, что она ступится. У него стали дрожать руки, закружилась голова.

Наконец они спустились на большой луг, покрытый огромными камнями. Рядом журчала горная речка.

— Здесь мы немного передохнем,— сказал Праман.

Они подошли к речке, напоили лошадей. Потом привязали их к небольшому дереву. Сели на камень. Уильям закурил. Он вдруг почувствовал сильную усталость, пережитый страх не отпускал его. Праман заметил это.

— Что, страшно, мистер Морли? — спросил он.— Зато вы увидели, как дается этот порошок. Здесь потруднее, чем на таможне. Сейчас мы прошли самый тяжелый участок, его называют дорогой смерти. Немало народу тут с жизнью распростилось. Сам чуть богу душу не отдал десять лет назад. Тогда еще работал в одиночку. Пошел дождь, и лошадь сорвалась в пропасть. Благо, над мной куст оказался, и я успел за него ухватиться. А сейчас нам нечего бояться. Едем порожняком, что с нас взять. Обратный путь куда сложнее. Лошадей нагрузим. Сами все не увезем, придется людей нанимать. Возьмем человек десять с оружием. Здесь рыщет много всякого сброда, можно вообще остаться без «товара». Ну, ничего, пронесет. Поднимайтесь, двинемся дальше.

К рассвету они подъехали к небольшой деревушке у самого склона лесистой горы. Праман остановил лошадь:

— Вот в этой деревне я начинал. Посмотрим, цело ли мое подземелье. Я слышал, староста здешний еще жив, по-прежнему всем заправляет. Это хорошо, с ним легко договориться, и, если уж возьмет деньги, не проболтается.

Они въехали в деревню. Рядом с почерневшими от сырости хижинами стояли какие-то постройки из соломы — не то шалаши, не то скирды сена. Навстречу им

вышли двое мужчин в темных рубашках и коротких штанах с винтовками в руках. Один из них, видимо, узнал Прамана и стал быстро что-то объяснять своему спутнику. Праман спрыгнул с лошади и подошел к ним. Уильям тоже спешился и, взяв лошадь под уздцы, в нерешительности сделал несколько шагов. Горцы взглянули на него с явным недоверием, но поздоровались. Вскоре к ним подошел худой старик в длиннополой черной рубахе, расшитой крупным бисером. Лицо его пересекали многочисленные морщины, выцветшие глаза без ресниц слезились. Он низко поклонился Праману. Тот положил ему руку на плечо.

В хижине все сели на низкие табуреты. На земляном полу спали какие-то люди. Староста зажег керосиновую лампу и что-то резко крикнул спящим. Те стали поспешно подниматься и, захватив с собой циновки, вышли из дома. Всего их было человек восемь. Одна из женщин несла грудного ребенка. Только теперь Уильям смог оглядеть жилище. По стенам висели длинные ножи с деревянными резными ручками, какие-то глиняные украшения — то ли божества, то ли драконы, старый японский календарь с полуголой красоткой, вырезанные из журналов цветные фотографии королевской семьи Таиланда. Если не считать деревянных табуретов, мебели почти не было. Бедность жилища производила удручающее впечатление.

Тем временем Праман уже о чем-то оживленно говорил со стариком. По лицу горца было видно, разговор ему нравится, он даже осклабился, предвкушая поживу. Наконец все поднялись и вышли наружу. Староста сразу скрылся в соседнем доме.

Две женщины готовили на очаге какое-то варево. Рядом сидела старуха в лохмотьях. Она курила длинную деревянную трубку.

— Вроде бы все в порядке, — сказал Праман. — Староста обещал продать нам сырец после обеда. Его люди привезут сюда пятнадцать мешков. Вполне достаточно, больше не увезем.

— Сейчас неплохо бы искупаться, — продолжал он. — Здесь прекрасная горная речка.

По дороге Праман показал на груду полусгнивших досок на самом краю деревни:

— Здесь стояла моя лачуга. В ней я прожил два года. Сказать по правде, есть что вспомнить. Поначалу бо-

ялся, спать не мог. Думал почему-то, горцы убьют меня. Но потом подружился с ними, даже их язык выучил.

Они с удовольствием плескались в прохладной чистой воде. Усталость прошла, перестала болеть голова, тело больше не ныло. После купания долго сидели на берегу.

— Староста пошел распорядиться насчет сырца,— сказал Праман.— Он спрятан у них далеко в горах, так что доставят его нескоро. Мео никому не рассказывают, где находятся их плантации опиумного мака, держат это в глубокой тайне. Боятся, как бы правительство не прислало войска уничтожить посеvy. Тогда всех их ждет голодная смерть.

— Но почему? — спросил Уильям.— Ведь это очень плодородная земля. Можно выращивать овощи, разводить скот.

— Видите ли, два-три килограмма опиума-сырца можно продать за ту же цену, что и тонну капусты. Какие здесь дороги — сами видели. Везти на рынок сельскохозяйственные продукты невозможно. Для себя они выращивают бобы, овощи, которые не требуют большого ухода. Зато продают опиум перекупщикам, вроде нас с вами, а на вырученные деньги покупают в городах и поселках продукты. Опять же понемногу, иначе их не увезешь. Вот и живут впроголодь. Ну и, конечно же, традиция — мео из поколения в поколение выращивали опиумный мак. Покупают опиумный мак у крестьян за бесценнок, а иногда даже выменивают на одежду, продукты, спиртное. Торговцы же героином имеют миллионные доходы. Ведь после переработки сырья в героин его цена подскакивает в тысячу раз, если не больше. Мео об этом и не догадываются. Ну что ж. Пойдемте в деревню. Может быть, староста вернется. Надо попросить его, пусть выделит нам людей для охраны.

В город они въехали глубокой ночью. Остановились около небольшого дома.

— Здесь моя аптека. Сейчас перетащим сюда мешки. Я сегодня же приступлю к работе — наш «товар» очень ждут, нельзя терять ни минуты, — тихо произнес Праман.— А вы идите к Ману, поживете у него пару дней. Когда будет готова первая партия, отвезете порошок в Бангкок. Я дам вам знать.

Уильяму не хотелось снова встречаться с Ману, но выбора у него не было. Он вышел на улицу, до дома Ману было всего два квартала.

Вдруг он заметил напротив аптеки мотоцикл. Праман включил свет на втором этаже, и Уильям разглядел за рулем молодого круглолицего парня с длинными волосами, на запястье его левой руки блеснула массивная цепочка. Мотоциклист включил двигатель, развернулся и, не зажигая фар, поехал в противоположную сторону.

Уильям взглянул на часы. Пятнадцать минут третьего. Что ему делать здесь в это время? Наверняка следил за аптекой. Если увязать это с телефонным разговором Ману, выходит, их взяли под плотную опеку.

Утром Уильям проснулся поздно. Служанка подала ему завтрак. Ману вышел в холл и любезно поздоровался с ним.

Уильям решил пройтись по городу. Поднялся в свою комнату, достал из чемодана рубашку. Немного подумав, взял коричневый галстук, положил его поверх вещей. Потом вынул из коробка две спички, отделил от них серу, аккуратно положил несколько кусочков на галстук. С первого взгляда их невозможно было заметить.

Оставив чемодан на стуле, Уильям вышел из комнаты.

Домой он вернулся к обеду и сразу поднялся к себе. Открыл чемодан, стал внимательно рассматривать галстук. Кусочков серы на нем не было, да и вещи лежали немного по-другому. Уильям оглядел комнату. Сегодня здесь никто не убирался. Значит...

Вечером на следующий день позвонил Праман.

— Мистер Морли, жду вас у себя завтра в семь утра. Возьмите с собой вещи. Пришло время уезжать.

Праман радостно встретил его. Положил на стол три пластиковых пакета с белым порошком. Потом стал заворачивать их в газеты.

— Послушайте, мистер Праман,— сказал Уильям.— Происходит что-то неладное. После нашего возвращения, выходя от вас ночью, я заметил какого-то парня на мотоцикле, он наблюдал за аптекой. А потом Ману рылся в моих вещах, что-то искал.

Уильям рассказал Праману историю с чемоданом.

Праман рассмеялся, он был в отличном расположении духа.

— Вы здорово переутомились, мистер Морли. Ночные поездки верхом явно не пошли вам на пользу. Вы уж простите, но это смахивает на манию преследования! Мало ли что мог делать мотоциклист у аптеки. Здесь ведь жилой квартал. Наверное, возвращался от какой-нибудь красотки. Сколько людей здесь шляется по ночам, по-вашему, все они за нами следят? А с чемоданом вы ловко придумали. Устроили Ману проверку. Да сера могла слететь, когда вы закрывали и открывали крышку. Больно ему нужно рыться в ваших вещах.

Уильям спорить не стал. Попрощался с Праманом и вышел на улицу.

В автобус садилось много народу. Уильям занял место у окна. На первой же остановке он привстал и осмотрел шоссе.

Метрах в шестидесяти от них остановился мотоцикл. За рулем был тот самый парень, которого он видел у аптеки, сзади сидел смуглый высокий юноша в темных солнцезащитных очках.

Сомнений не было. За ним следят. Интересно, что они предпримут? Нападут на него в дороге или будут выяснять, кому он передаст героин?

Но суть не в этом. Надо в любом случае уйти от слежки. Только как это сделать? Ведь из Чиенграя он должен ехать в Бангкок поездом. Они, конечно, знают об этом. Уильям стал продумывать различные варианты.

До отхода поезда оставалось четверть часа. Уильям подошел к кассе и взял билет до Бангкока. Сразу же после него к окошку подошел высокий круглолицый парень в темных очках, тот самый, которого он видел на шоссе. Полез в карман, вытащил деньги, протянул их кассирше. А вот и другой, с цепочкой на руке, ходит по перрону, поглядывает на Уильяма.

«Теперь они уверены, что я поеду поездом, надо сыграть на этом», — подумал Уильям и прошел в маленькое кафе в здании вокзала.

Уильям взял бутылку пива, сел за столик. В кафе за ним никто не вошел. Наверное, эти сопляки решили, что он никуда не денется от них, и ждут его возле поезда. Уильям заметил, как через дверь черного хода рабочий понес в буфет какой-то ящик. Дверь оставалась полуоткрытой. За ней были видны привокзальная площадь, стоянка такси. Он быстро прошел узким коридором к двери, вышел на улицу. На площади стояло несколько такси.

Он подошел к машине, открыл дверцу и быстро сел на заднее сиденье.

— В Чиенгмай*, — скомандовал он водителю. — Только быстрее, я очень спешу.

Шофер удивленно посмотрел на Уильяма. Наверное, ему нечасто приходилось возить пассажиров в другие города. Он запросил большую сумму. Уильям сразу дал ему деньги.

Машина выехала из города и помчалась по шоссе. Уильям несколько раз оглядывался. Их никто не преследовал. Видно, те двое так и остались на вокзале.

Из Чиенгмая в Бангкок Уильям добирался рейсовым автобусом. Он время от времени смотрел на шоссе, внимательно приглядываясь к пассажирам.

Слежки не было. Пожалуй, тогда на вокзале ему удалось сбить их с толку.

В ресторане Уильяма ждали Рон и Ключе. Оба были навеселе. На столе стояло несколько пустых бутылок из-под пива.

— Привет, старик! — бросил ему Рон. — Как дела? Садись, рассказывай.

— «Товар» при мне. Еле удалось оторваться от слежки. Сейчас расскажу все по порядку.

Уильям рассказал Рону и Ключе о странном телефонном разговоре Ману, о том, что старик рылся в его вещах, о «хвосте», который он обнаружил за собой.

— Что-то уж очень неправдоподобно, — сказал Рон, выслушав Уильяма. — Ману предан моему тестю, как собака. Он никогда не пойдет на предательство. Что это сейчас ему даст? Старику ведь уже за семьдесят. Да и откуда Чен мог узнать о нем. Сурин всегда хранил в тайне свои отношения с Ману. Скорее всего, Билл, ты неправильно понял телефонный разговор.

— Хорошо, пусть так. Ну, а зачем ему было рыться в моих вещах, что он искал там?

— Мало ли что взбредет человеку на ум в таком возрасте. К старости все становятся подозрительными и мнительными. Он давно живет один, очень замкнут. А тут в доме его поселился незнакомый человек. Не обижайся на Ману. Может, в его годы мы будем еще хуже.

* До этого упоминалась провинция со схожим названием — Чиенграй.

Через три дня, часов в пять вечера, Уильяму позвонил Рон.

— Приезжай скорее в «Чарли», есть срочное дело, — скороговоркой выпалил он.

Уильям был дома один. Вчера заболел его сынишка Дик. Врачи определили у ребенка воспаление легких. Тяг легла в больницу вместе с малышом.

Через полчаса Уильям был в ресторане. В отдельном кабинете его ждали Рон, Сурин, Клюге, Праман, Ниссай. У всех был мрачный вид.

Особенно подавленным выглядел Сурин. Щеки у него обвисли, глаза потускнели.

«Опять что-то стряслось», — подумал Уильям.

Молчание нарушил Рон.

— Как Стоун, наш новый «курьер»? — спросил он Уильяма.

— Все в порядке, вчера отправил его в Нью-Йорк.

— А у нас опять неприятности, — продолжал Брайтон. — К сожалению, старик, ты был прав. А мы смеялись, не верили тебе. Что молчишь, Праман? Расскажи Уильяму, что случилось сегодня ночью.

Праман почтительно взглянул на Уильяма. Потом не спеша начал свой рассказ.

— Позавчера к пяти вечера еще одна партия порошка была готова. Я работал день и ночь. Хотел вчера отвезти товар в Бангкок. Поздно вечером позвонил Ману, я сказал, что уезжаю дня на три-четыре. Просил в мое отсутствие присмотреть за аптекой. Часа в три ночи я услышал шаги на лестнице: кто-то открыл наружную дверь и поднимался вверх. Дверь в мою комнату тоже была заперта. Ее стали тихо открывать ключом. Я не успел вытащить из кармана пистолет. В комнату ворвались двое, сразу же навалились на меня. Но в темноте мне удалось вырваться и выпрыгнуть в окно. До утра прятался у одного знакомого. Потом одолжил у него машину и приехал сюда. Вы оказались правы, мистер Морли. Ману продал нас шайке Чена. Это они следили за вами, а ночью напали на меня. Сняв помещение для аптеки, я решил сменить замки. Узнав об этом, Ману сам нашел слесаря и купил замки. Теперь все ясно. Ему нужны были образцы ключей. Но эта старая собака еще пожалеет...

— Не в том дело, — перебил Прамана Рон. — «Отблагодарить» мы его всегда успеем. Уильям, напхни нам имя человека, с которым говорил по телефону Ману.

— Сувит. Он один раз назвал это имя.

Лицо Сурина передернулось.

— Что, господин Сурин, не нравится, — зло сказал своему тестю Рон. — Это, конечно, тот самый китаец, который работает на Чена в Чиенграе. Да, да. Криворукий, со сломанным запястьем. Вот, оказывается, какие друзья у вашего Ману. Да-а, нашли надежного человека.

— Хватит спорить, — вмешался Ключе. — Надо действовать. Пора реализовать наш план.

— Гюнтер, ты уверен, что они сегодня будут там? — спросил Рон.

— А как же. Сегодня четверг. Сын и двенадцатилетний племянник Чена ездят по вторникам и четвергам на корт «Саватди». Играют в теннис с пяти до семи. Сейчас шесть — времени в обрез.

Рон оглядел присутствующих.

— Учтите, вечером мы все заняты, — сказал он. — Дело предстоит важное и ответственное. Сегодня решится все.

— Можно, я съезжу на полчаса в больницу, проведу жену и сына? — спросил его Уильям.

— Ты что, спятил? В такое-то время. Навестишь их завтра. А ты, выходит, остался один в доме? Гюнтер, значит, везем их к Уильяму.

— Да, это лучше всего, — сказал Ключе. — Как-никак, отдельный дом. Только ты, Уильям, отпусти служанку на вечер. Нам свидетели ни к чему.

— И вот еще что, — произнес Рон, вставая из-за стола. — Уильям, отвезешь мистера Сурина к себе. Ждите нас часа через полтора.

Уильям устроился вместе с Сурином в холле. Достал бутылку виски, они выпили немного. Первое время оба сидели молча.

Уильям никак не мог уяснить себе, что опять задумала эта компания, зачем они собираются притащить в его дом сына и племянника Чена, хотя понимал: дело приняло серьезный оборот, и их шайка готовится нанести конкурентам мощный контрудар.

Сурин встал и нервно заходил по комнате. Дважды раскуривал сигару и клал ее в пепельницу. Налил себе еще виски.

— Да, сегодня решится все,— сказал он Уильяму.— Если Ключе удастся вытянуть из этого парня нужную нам информацию, Чену придется пойти на мировую. Жаль, он посильнее нас, и людей у него больше, и возможностей. Но мы нанесем ему удар ниже пояса. Только бы дело не сорвалось. Случись осечка, Чен нам спуску не даст.

— Они тогда и вправду перебьют нас всех? — спросил Уильям.

— Возможно. Чен не остановится ни перед чем. Сколько наших людей уже погибло от его руки! Ну, кажется, едут.

Уильям открыл дверь, в холл вошли Рон и Ключе. За ними Праман и Ниссай ввели сухощавого парня лет двадцати. Руки его были связаны за спиной веревкой. Рядом шел, спотыкаясь, мальчик с распухшим от слез лицом.

— Пустите! — истеричным голосом прокричал парень.— Зачем вы привезли меня сюда? Я ничего не знаю. Пустите или я потом заявлю на вас в полицию!

— Не заявишь. Папа не позволит. Да и будет ли еще для тебя это «потом»,— резко сказал Ключе, заталкивая его в кладовку под лестницей. Туда же он втащил упирившегося мальчишку. Тот, задыхаясь от слез, не мог уже произнести ни слова. Закрыв дверь на задвижку, Ключе подошел к бару, налил себе полстакана виски, выпил залпом. Потом он вышел во двор, хлопнула дверца машины.

Он вернулся с отверткой, плоскогубцами и маленьким кассетным магнитофоном.

— Уильям, твоя жена, кажется, шьет, где у нее иглы? — спросил он.

Морли растерялся. Он начинал понимать, что задумал Ключе, хотел было воспротивиться. Но Ключе уже сам увидел швейную машинку, достал из ящичка несколько иголок и стал накалывать на отворот рубашки. Потом, порывшись в кармане брюк, вытащил газовую зажигалку. Зажег ее, пустил пламя на полную мощность.

— Тоже пригодится,— ухмыльнулся он, обнажив желтые прокуренные зубы.— Мои методы очень старые, зато весьма эффективные. Слышал, сейчас делают разные уколы и прочее. Но не в моем возрасте переквалифицироваться. Рон, будешь помогать мне. Давай сюда этого недоноска.

Они повели сына Чена на второй этаж в кабинет Уильяма. Тот закричал, стал вырываться. Брайтон с силой ткнул его кулаком в живот. Парень согнулся, упал на лестницу. Они волоком потащили его наверх.

Через несколько минут послышались душераздирающие крики. Сурин подошел к проигрывателю, поставил пластинку. В холе зазвучала громкая музыка.

— Предлагаю сыграть,— сказал он, бросив на журнальный столик колоду карт.

Праман и Ниссай присоединились к нему. Уильям отказался. Ему было не по себе. У него в доме устраивают пытки. Теперь он уже не просто торговец наркотиками, а настоящий гангстер. До чего же быстро это произошло.

Пластинка кончилась. Сверху снова послышались крики.

— Я никогда не был в Америке! Я не знаю никакого Джона Блейка! — удалось разобрать Уильяму.

Сурин снова включил музыку. Уильям сел в кресло, закурил. Прошло минут десять. Наконец наверху хлопнула дверь. В холл спустился Рон.

— Где у тебя аптечка, Билл? Нужен нашатырный спирт. Гюнтер слегка переусердствовал, парень потерял сознание.

Уильям молча указал на шкаф в углу холла.

— Полный порядок, ребята,— продолжал Брайтон, перебирая лекарства.— Он выдал нам такое! Пришел черед Чену дрожать перед нами.

Еще через пять минут снова захлопали двери, потом кто-то включил душ в ванной.

Наконец на лестнице появились Рон и Клюге. Они вели под руки мокрого с ног до головы сына Чена. Клюге усадил его в кресло напротив Уильяма.

— Не сердись на меня, Туан,— криво усмехнулся Клюге.— Я предупреждал тебя, даже глухонемые, попав ко мне в руки, становятся очень разговорчивыми. А ты не послушал меня, заупрямился. Вот и пришлось сделать тебе больно. На, выпей виски.

Уильям взглянул на Туана. Раньше ему часто приходилось слышать выражение «следы пыток». Теперь он впервые увидел, что это такое.

Ноздри и губы Туана были в волдырях от ожогов, десны кровоточили, один из передних зубов выломан. Вся рубашка на нем была изодрана в клочья. На теле виднелось несколько оставленных скорее всего плоско-

губцами ссадин с запекшейся кровью. Пальцы на руках распухли, ногти посинели.

Туан откинул назад голову.

— Отец убьет меня, убьет,— произнес он сдавленным голосом.

Клюге подошел к нему, положил руку на плечо и с ухмылкой заглянул в лицо.

— Сейчас позвоним твоему папочке. Какой у него номер телефона?

— У него нет телефона.

— Врешь. Быстро говори номер.

Клюге взял отвертку и поднес ее ко рту Туана.

Тот застонал, закрыл лицо руками.

— Два... восемь... шесть... четыре... четыре... пять... два... Он не простит мне этого, убьет меня, убьет.

Клюге взял магнитофон, положил его рядом с телефонным аппаратом, набрал номер.

— Мне мистера Чена,— сказал он по-тайски.— Кто спрашивает? Его старый друг, передает ему привет от Туана.

С минуту все молчали, с нетерпением ожидая продолжения разговора. Клюге сделал знак Ниссаю, показал на бутылку. Тот налил виски и поставил перед ним стакан.

— Алло, это господин Чен? Вас приветствует Гюнтер Клюге. Ах, что мне надо? Сейчас узнаете. Тут ко мне заглянул в гости ваш сын Туан, д-да, вместе с племянником, вы правы. Немедленно отпустить? Конечно, отпущу. Только не бросайте трубку, есть кое-что интересное для вас. Ну так вот, ваш сын оказался очень разговорчивым, даже можно сказать болтливым молодым человеком. Он рассказал мне, что при вашей помощи подготовил информацию о деятельности бывших гоминьдановцев в Золотом треугольнике. Места расположения восьми их баз и двадцати шести плантаций, фамилии их руководителей и сведения о каждом... Он даже составил на кальке точную карту этих районов, нанес на нее все базы, плантации и пути, по которым гоминьдановцы перевозят свой груз. Потом ваш сынок отвез все эти материалы в Лос-Анджелес и передал их господину Блейку.

— Что, я вру? Одну минуточку, послушайте наш разговор с ним.

Клюге включил магнитофон, поднес к нему трубку.

Снова слышались крики, стоны. Туан рассказывал о гоминьдановцах, называл какие-то имена и фамилии, населенные пункты. Его прерывали крики Клюге.

Минут через пять Ключе, выключив магнитофон, продолжал разговор с Ченом.

— Ну как, теперь вы мне верите? О, это уже хулиганство. Не думал, что ты так умеешь ругаться, Чен. Жаль, что мне некогда слушать тебя. Перейдем к делу. В письме, направленном тебе два месяца назад, мы изложили свои условия. Да, да. Указали районы, где будем работать. Ты должен принять их и не соваться больше в наши дела. Что? Тогда мне просто жаль тебя, старый идиот. Эта пленка завтра же будет у гоминьдановцев. Думаешь, я не знаю к ним дорогу? Отнесу ее господину Чан Чжу. Да, тому самому. Он живет в Бангкоке, я знаю его адрес. Ну, что ты об этом думаешь? Не мне тебе рассказывать, как они поступают с предателями. Так что лучше принимай наши условия.

Теперь о твоих родственниках: ты получишь их в обмен на порошок, который вчера твои ребята взяли в Манчае. Ах, ты даже не слышал об этом! Тогда подожди минут пять у телефона, я пойду выжгу глаза твоим щенкам. Ну, я жду ответа. Где встречаемся? Латпрао, на пустыре за мостом. Через час. Превосходно.

Ключе положил трубку.

— Ну как, старый пьяница Гюнтер Ключе еще на что способен? — произнес он с самодовольной улыбкой.

Сурин подошел к Ключе и стиснул его руку:

— Ты спас нас, Гюнтер. Без тебя нам бы всем конец.

Брайтон налил всем виски. Выпили за успех. Никто уже не обращал внимания на Туана. Он сидел в кресле, закрыв лицо руками, и громко всхлипывал.

— Так, поедем на двух машинах. Держись за мной, Уильям, — сказал Брайтон, когда все поднялись и направились к выходу. — Пойдите, черт возьми, чуть не забыли мальчишку.

Рон вывел из кладовки еле живого от страха мальчика.

— Одну минуточку, — сказал уже сильно захмелевший Ключе.

Он взял со стола плоскогубцы и придвинулся к ребенку.

— Подождите меня в машинах, я поставлю этому щенку метку на память. Пусть покажет ее дяде.

Тут Уильям не выдержал. Закрыв собой мальчика, вырвал у Ключе плоскогубцы и швырнул их на пол.

— Не смей трогать ребенка, садист! — крикнул он. — Ты и так чуть не замучил человека.

— Вы слышали, что сейчас сказал мне этот мерзавец? Я — садист, замучил человека! Да знаешь, если бы не я, Чен к концу месяца вспорол бы нам всем животы, — завопил Ключе.

— Хватит препираться, — перебил его Рон. — Сейчас не до этого. Надо закончить дело. Садитесь в машины.

Всю дорогу Уильям держался за «ситроеном» Рона. Наконец они въехали на большой пустырь.

Пока там никого не было.

Рон вышел из машины. Чувствовалось, что он нервничает. То и дело поглядывал на часы.

Наконец показался свет фар.

На пустырь въехал белый «мерседес», остановился метрах в тридцати от них. Оттуда вышли трое мужчин. Один из них вытащил из машины небольшой чемодан.

Сурин, Рон, Ключе и Праман пошли им навстречу. Заложники остались пока в «ситроене».

Начался разговор. Сурин отвел в сторону низкорослого пожилого человека. Они закурили.

«Скорее всего это и есть Чен. Хорошо бы, они все перестреляли друг друга», — подумал Уильям.

В это время Праман сел на корточки перед чемоданом, открыл его и стал там копаться.

Потом Ключе вернулся к машине, распахнул дверцу. Тут произошла какая-то заминка. Он стал о чем-то спорить с Туаном.

Уильям прислушался.

— Я не пойду, не пойду. Убейте меня здесь! Слышите, убейте! — истошно кричал парень.

Тем временем Праман уже укладывал чемодан в багажник.

Ключе взял за руку племянника Чена и повел его к «мерседесу».

— Забирайте Туана сами, он не хочет возвращаться к вам, — быстро бросил он двум помощникам Чена.

Те моментально двинулись к машине, открыли дверцу и вытащили оттуда сопротивлявшегося юношу. Через минуту он уже был заперт в «мерседесе».

На пустыре остались двое — Сурин и Чен. Остальные сидели в машинах, ожидая конца их разговора.

Наконец, они положили руки на плечи друг другу, обнялись.

— Все, договорились, — сказал Уильяму сидевший в его машине Праман.

Через месяц Уильям прочитал в «Бангкок пост» сообщение о трагическом случае в Манчае. Полковник в отставке Ману Буньятонг переходил вечером улицу и был сбит легковым автомобилем. Пострадавший скончался в больнице, не приходя в сознание. Как потом выяснилось, сбившая его машина была угнана за час до происшествия со стоянки одного из кинотеатров. Преступников обнаружить пока не удалось.

«Предательства здесь не прощают,— подумал Уильям.— Эти люди способны на все, от них невозможно скрыться».

Раздался телефонный звонок. Уильям снял трубку и услышал голос Брайтона.

— Как жизнь, старина? Наверное, соскучился по мне? Приезжай прямо сейчас, есть одно дельце.

Уильяму не хотелось видеть Рона. После устроенных в его доме истязаний он еще больше возненавидел Брайтона. Боялся, что выйдет из себя и ударит этого подлца или, еще хуже, пригрозит выдать всю их шайку. Тогда уж с ним расправятся почище, чем с Ману.

— Я себя плохо чувствую, Рон,— ответил он.— Сам позвоню тебе, когда выздоровлю.

— Этого еще не хватало! Отложи свои хвори до старости. Выпей какие-нибудь таблетки и побыстрее приезжай. Сам знаешь, по пустякам я тебя не беспокою.

— Ладно, буду через час.

У ворот дома Брайтона Уильям заметил старенький зеленый «лансер» с помятым крылом.

«Машина Ластва. Что Джерри может делать у Рона?» — подумал он.

А вот и сам Джерри. Быстро садится в машину, махнув рукой, приветствует Уильяма. Видимо, не хочет говорить с ним, иначе обязательно подождал бы. Странно, это на него не похоже.

— Я вижу, ты подружился с моим бывшим компаньоном,— сказал Уильям Рону, входя в его дом.

— Что ты, какая там дружба! Просто бедолага решил сменить машину и попросил у меня в долг три тысячи долларов. Но я, конечно, отказал. Он не внушает мне доверия, типичный неудачник.

— Как же ты не обратил на него внимания? Он уже давно крутится вокруг нас, пьет за наш счет, не вылезает из долгов. Ну чем не «курьер»?

Уильям сказал это в шутку, но Брайтон принял его слова всерьез и выразил свое недовольство.

— Не вздумай его вербовать. Это ненадежный человек. И вообще я советую тебе держаться от него подальше. Мне не нравятся его бесцеремонность и любопытство. Завалился ко мне без звонка. Если еще раз позволит себе такое, выгоню. Пусть знает, как вести себя в приличном обществе. Ну, хватит о нем, перейдем к делу. Три года назад в Бангкоке жил Артур Смит, парень лет тридцати двух, родом из Мичигана. Воевал во Вьетнаме, потом осел в Бангкоке и стал работать в одной из страховых компаний. Выпивоха и бабник. Я его немножко знал, но не в этом дело. Однажды этот Смит в каком-то кафе здорово выпил и познакомился с тайской девушкой. Предложил подбросить ее на машине до дома, а сам завез за город и изнасиловал. Она заявила на него в полицию. Смит грозил суд и, наверное, не избежать бы ему нескольких лет тюрьмы. Но следствие по его делу вел капитан полиции Вират Чиёмсан. Он и предложил Смигу за крупную взятку замять это дело. Нашему соотечественнику пришлось истратить все свои накопления, да еще машину продать и залезть в долги. Но зато капитан Вират исполнил все в лучшем виде. Он подкупил пострадавшую, и она забрала свое заявление из полиции. Дело представили так, будто она была любовницей Артура. Узнав о его намерении уехать из Таиланда и бросить ее, решила ему отомстить. Сама напоила парня и попросила отвезти ее за город. Ну, а потом разыграла эту сцену. Ее оштрафовали за ложное обвинение. Наверное, этот штраф тоже заплатил Смит. Дело закрыли, но Вират все-таки посоветовал Артуру на всякий случай уехать из Таиланда. Недавно в Чикаго он поведал эту историю нашему человеку.

Брайтон откинулся на спинку кресла, сделал небольшую паузу, закурил.

— Ну и что? — воспользовавшись наступившей паузой, спросил Уильям. — Каждый второй полицейский в Таиланде — взяточник. Об этом я знаю и без тебя. Ты что, позвал меня сюда для того, чтобы рассказать эту историю?

— Подожди, дослушай до конца. При помощи связей Сурина нам удалось кое-что узнать о Вирате. Теперь он

уже майор. Около года назад его перевели из Бангкока в Чиенграй, там он ведет борьбу с производством и торговлей наркотиками. Его тесть занимает важный пост в министерстве внутренних дел. Он и помог Вирату получить эту должность. Здесь Вират сможет дослужиться до полковника. А теперь взгляни на эти фотографии.

Рон разложил снимки на столе. На первом был запечатлен молодой симпатичный мужчина в форме офицера полиции, на другом — он же в штатском костюме рядом с миловидной женщиной, державшей на руках маленького ребенка.

— Это Вират со своей любовницей. Она живет в Бангкоке, имеет от него ребенка. Женщина не работает, и ему приходится высылать ей семь тысяч бат ежемесячно. Это при зарплате в четыре тысячи. Понимаешь, в чем суть? Вират боится, как бы жена и тесть не узнали об этой женщине. Он понимает, в случае развода с женой его карьера будет испорчена. Майор постоянно испытывает потребность в деньгах, привык жить на широкую ногу. У нас есть все основания считать, что он и сейчас берет взятки. Ну, а теперь о самом главном. Вират нас очень интересует. С его помощью мы могли бы безраздельно властвовать в провинции Чиенграй и прищемили бы хвост Чену. Ты только вообрази: с одной стороны гоминьдановцы, с другой — полиция! Чену пришлось бы убраться из Чиенграя. Вдобавок за аптекой Прамана в Манчае уже несколько дней ведется наблюдение. Да и за ним самим стали следить.

— Думаешь, это полиция? А вдруг Чен снова начал за нами охоту, хочет отомстить?

— Да что ты! Чен сейчас зализывает раны. Боится, как бы записанная нами пленка с откровениями его щенка не попала к гоминьдановцам. Конечно, я не исключаю, что это он навел полицию на Прамана. Короче, в полиции Чиенграя нам нужен свой человек, это оградит нас от неприятностей. От тебя же требуется вот что. В ближайшие дни поедешь в Чиенграй, встретишься там с Виратом. Расскажешь о его любовнице в Бангкоке, покажешь это фото и напомнишь об Артуре Смите и его уголовном деле. Ну, и пригроишь, что мы предадим все это огласке, если он не станет работать на нас. Скажи, что мы в долгу не останемся. Ну, не мне тебя учить, как поступать в подобных случаях.

Рон положил перед Уильямом несколько пачек сто-батовых купюр в банковской упаковке.

Уильям равнодушно посмотрел на деньги, потом перевел взгляд на Брайтона.

— Вот уж спасибо за такое поручение, Рон,— начал Уильям.— Что ж это получается? Я должен лезть в самое пекло? Ключе и тот уже перестал искать «курьеров», рисковать всегда приходится мне. А что вы предлагаете теперь? Завербовать сотрудника полиции! Да я через час после этого могу оказаться в камере. Но вам на это наплевать.

— Перестань. Кого я могу послать к Вирату? Тайцу он может не поверить, подумает, это провокация, и доложит начальству. А Ключе уже третью неделю пьет.

— А почему бы тебе не отправиться самому? Разве эта миссия тебе не по плечу?

— Неужели ты думаешь, что я возьмусь за такую работу? А для чего существуют такие, как ты? Мне нужны люди, готовые выполнить любое поручение. За это им и платят большие деньги. В другой раз, когда вздумаешь брыкаться, вспомни сперва, кем ты был до прихода ко мне. А теперь у тебя и вилла, и машина, и кругленький счет в банке. Может, ты сожалеешь об этом?

— Если хочешь знать правду — да! А еще больше жалею, что не пристрелил тебя тогда во Вьетнаме, когда ты обирал трупы.

Брайтон резко повернул голову, злобно взглянул на Уильяма. Казалось, еще мгновение — и он с кулаками набросится на него. Но он сдержался, прекрасно зная, что Уильям без труда сладит с ним. Ему оставалось только скорчить презрительную гримасу и процедить сквозь зубы:

— Тебе и вспомнить-то больше нечего. Когда-то ты командовал взводом. Правда, недолго, пока не выставили из армии. Давай, гордись этим! Но теперь ты служишь у меня и будешь делать все, что я прикажу. Ты с нами повязан намертво, назад дороги нет. Запомни это навсегда. Если что — мы тебя из-под земли достанем. Хотя для чего я тебе говорю об этом? Сам знаешь. Вспомни Туана. Кстати, он угодил в психиатрическую лечебницу, наверное, не без помощи папаши. Но это так, к слову. Надеюсь, теперь все ясно!

Уильям медленно опустился в кресло. Он понял, что ничего не докажет. Подонок Брайтон и его банда могут сделать с ним все что угодно. Ему остается одно — беспрекословно подчиняться.

Брайтон подошел к Уильяму, толкнул его в плечо.

— Ну, ладно. Не будем выяснять отношения. Это все равно ни к чему не приведет. Выплескивай эмоции в другом месте, а угрызания совести держи при себе.

В Чиенграй Уильям приехал поздно вечером. Остановился в гостинице в центре города.

Девятысоткилометровый путь за рулем сильно утомил его. Уильям чувствовал себя разбитым. Мысль о предстоящей встрече с Виратом угнетала его. Ему не раз доводилось вести подобные беседы, шантажировать, угрожать, а иной раз и наоборот — успокаивать доведенных им же до истерики людей. Ему всегда тяжело давались эти поединки. Но особенно трудно было ему накануне этих встреч, ведь он часто не представлял себе, чем все может кончиться. Хотя, думая о завтрашней беседе, Уильям был почти уверен в успехе. Вират — взяточник, а с ним легко сговориться. Но Уильям от одного предвкушения встречи с очередным подонком испытывал омерзение. Сколько раз ему уже приходилось видеть, как наигранное возмущение сменяется животным испугом и лакейским подобострастием.

В девять утра он быстро отыскал в справочнике адрес и телефон майора полиции Вирата Чиемсана. Набрал номер.

— Вас слушают, — ответил мужской голос.

— Мне майора полиции Вирата.

— Да, это я.

— Вас беспокоит Ричард Андерсен, американский бизнесмен. Хочу с вами переговорить по очень важному делу.

— Позвоните мне в понедельник в полицейское управление. Телефон...

— Нет, мне нужно видеть вас сегодня, завтра меня не будет здесь. А дело, как я уже говорил, очень важное.

— Но я не принимаю по делам в выходные дни.

— Сделайте для меня исключение, дело касается лично вас.

— Ну ладно, если уж это так важно, приезжайте сейчас. Но ненадолго, около одиннадцати мы с женой уезжаем играть в теннис.

Уильям вытащил из сумки полученные от Брайтона пачки денег, разложил на столе цветную оберточную бумагу. Через минуту он уже завязывал ленточку на не-

большом аккуратном свертке. В такой упаковке в Таиланде принято преподносить подарки. Потом достал миниатюрный магнитофон, перемотал кассету, проверил на запись и сунул его в карман.

Он всегда брал с собой этот магнитофон, встречаясь с уже завербованными и будущими «курьерами», записывал разговоры с ними. Так велел Рон. И кассеты он отдавал ему. Куда они попадали потом, Уильям не знал. Но вряд ли, думал он, Рон хранит их у себя, скорее всего отправляет за океан. А там кто-нибудь приобщает эти кассеты к соответствующим досье. На тот случай, если понадобится припугнуть «курьера», вздумавшего отказаться от работы или переметнуться к конкурентам. Конечно же, Рон, вербуя Уильяма, записал их разговор, а может, и сейчас фиксирует на пленку все беседы с ним. Что поделаешь, таковы правила игры.

Вират встретил Уильяма в холле. Это был полный, начинающий лысеть мужчина лет тридцати пяти. Уильям сразу заметил, как он бросил взгляд на сверток в цветной бумаге, и улыбнулся.

Хозяин провел Уильяма в холл, предложил мягкое кожаное кресло, сам устроился напротив. Дорогая мебель, фарфор, серебро и хрусталь, персидские ковры, новейшая японская стереосистема.

Вират крикнул служанке, чтобы она принесла жасминовый чай со льдом. Уильям как бы невзначай опустил руку в карман и включил магнитофон. Теперь все было готово к беседе.

Что же вас привело ко мне, господин Андерсен? — начал Вират, изобразив на лице нечто среднее между улыбкой гостеприимного хозяина и покровительственной усмешкой всемогущего полицейского босса.

— Прежде всего я хочу передать вам привет от Артура Смита. Вы еще не забыли такого?

— Артур Смит? Конечно, помню. Как он поживает?

— Прекрасно. С кем ни встретится, рассказывает о вас, называет не иначе, как «мой спаситель».

— Ну, это уж чересчур. Просто мне удалось во всем разобраться. Любовная интрижка. Девушка хотела скомпрометировать Артура и заставить жениться на ней. Женщины еще никого не доводили до добра. Сколько от них неприятностей!

— Да, мистер Вират, я тоже так считаю. Кто чрезмерно увлекается женщинами, тот плохо кончит. Это точно.

— Ну, а какое же важное дело привело вас ко мне?

— Видите ли, одному моему знакомому, Праману Тунсохавану, аптекарю из Манчая, кажется, грозит опасность. Какие-то типы постоянно крутятся возле его аптеки.

Уильям заметил, как при упоминании о Прамане Вират несколько изменился в лице, но тут же снова изобразил улыбку.

— Ну что же,— сказал он,— все может быть. В нашей провинции, особенно в Манчае, высокая преступность. Грабят дома, магазины, даже аптеки. В понедельник я позвоню начальнику городского отделения полиции подполковнику Удому, попрошу помочь вашему другу. Думаю, у аптеки поставят круглосуточный полицейский пост, а мистеру Праману выделят охранника в штатском. Все будет в порядке.

«А ты не так глуп, как кажешься на первый взгляд,— подумал Уильям.— Ловко все рассчитал. Под видом охраны можно будет продолжать слежку за Праманом. Но ты выдал себя, сходу предложив этот вариант. Теперь-то я точно знаю, кто установил наблюдение за нашим аптекарем».

Уильям внимательно посмотрел в глаза Вирату. Тот не отвел взгляда и, в который раз улыбнувшись, сказал:

— Это все, господин Андерсен, что я могу сделать для вашего друга. Подполковника Удома я хорошо знаю, и он наверняка выполнит мою просьбу.

Тут он перевел взгляд на лежащий посреди стола яркий сверток, как бы напоминая Уильяму, что настало время преподнести ему подарок. Но Уильям явно не торопился. Он достал сигареты, закурил и холодно поглядел на Вирата.

— Я думаю,— сказал он,— нам нет смысла вмешивать в это дело мистера Удома, ведь слежку за моим другом вы можете отменить и своей властью.

— Не понимаю вас.

— Прекрасно понимаете. Вы начальник отдела по борьбе с торговлей наркотиками в полицейском управлении провинции Чиенграй, а Праман Тунсохаван скупает опиум-сырец у мео и изготавливает героин. Вы ведете за ним наблюдение и, наверное, скоро арестуете. А я хочу, чтобы этого не случилось. Поэтому прошу вас в понедельник отменить слежку за Праманом. И постарайтесь изъять из досье Прамана все документы, свидетельствующие об истинных его занятиях. Короче, начнете

сводить это дело на нет, так, чтобы месяца через два мой друг был для полиции чист, как стеклышко. Я знаю, для вас это сущие пустяки. Вам приходилось выручать и опасных уголовных преступников.

Вират побагровел, вскочил с кресла.

— Кто вам позволил разговаривать в таком тоне с офицером тайландской полиции? Я сейчас же прикажу вас арестовать.

Вират приблизился к инкрустированному перламутром столику, на котором стоял телефонный аппарат. Уильям сохранял спокойствие.

— Сядьте, майор. Не стоит горячиться. Артур Смит характеризовал вас как разумного человека. Мой арест не сулит вам ничего хорошего. В лучшем случае вас уволят из полиции. Выслушайте меня до конца.

Вират сел в кресло, злобно уставясь на беспардонного визитера.

— А теперь,— продолжал Уильям,— можете взять сверток, на который вы так жадно смотрели во время нашего разговора. Там сто тысяч бат, это аванс. Если согласитесь помогать нам, мы ежемесячно будем выплачивать вам половину этой суммы.

Уильям заметил, как изменилось выражение лица Вирата. Но он все еще был разгневан.

— Уходите немедленно. С какой стати я, майор полиции, должен помогать преступникам? Мне не нужны ваши деньги. Я верен присяге, данной королю. Просто не хочется портить себе выходной день и затевать историю с вашим арестом. Я больше не желаю вас знать. Вон из моего дома!

Майор поднялся и встал как бы по стойке смирно. Уильям не двинулся с места.

— Успокойтесь, майор. Глотните коньяка или выпейте успокоительного. Никуда я не уйду, и не надо зря нервничать. Очень жаль, что вы сразу не оценили ситуацию. Не хотелось, но придется открыть вам наши карты. А там полно козырей.

В этот момент по винтовой лестнице в холл спустилась молодая женщина в белой теннисной юбочке. Она несла две ракетки и коробку с мячами. Слегка кивнув Уильяму, она сказала мужу:

— Ну как, мы едем на корт? Ты же обещал освободиться в одиннадцать, а уже двадцать минут двенадцатого.

— Я занят,— ответил ей Вират.— Поезжай одна. Может быть, подъеду позже.

С этими словами он передал ей ключи от машины. Женщина, удивленно взглянув на мужа, изящным жестом подцепила за брелок связку ключей и направилась к выходу.

Вират, прищутив глаза, взглянул на Уильяма, избрав при этом ехидную улыбку.

— Ну, что же это за козыри, уважаемый мистер Андерсен, или как вас там величают в вашей банде?

— Начнем с мистера Смита, вашего старого знакомого, который за данную вам крупную взятку избежал тюрьмы. В настоящее время он без единого цента сидит в Штатах и за скромную мзду написал письмо на имя министра внутренних дел Таиланда — покаялся в деле со взяткой и разоблачил ваши вымогательства. Это письмо у нас, и в случае необходимости будет отправлено адресату. Смит вряд ли понесет наказание, а вы, господин майор, будете сильно скомпрометированы перед начальством. Кроме того, жертва Смита, которую вы представили в деле как его любовницу, тоже готова дать против вас показания. Тут уже встанет вопрос о вашем увольнении, а возможно, и о возбуждении уголовного дела. Всемогущий тесть не будет защищать вас. И вот почему... Уильям достал из нагрудного кармана фотографию Вирата с его «нелегальной» семьей и бросил на стол.

Вират изменился в лице, у него задрожали губы.

— Как вы посмели...

— Возьмите ее себе, у нас таких много,— спокойно сказал Уильям, всем своим видом показывая Вирату, что не намерен его слушать.— Можем направить по фотокарточке жене и тестю от анонимного доброжелателя. В письме опишем всю вашу любовную историю и не забудем упомянуть, что вы регулярно передаете этой женщине большие деньги. Ну и, конечно, предупредим, что вы хотите в ближайшее время избавиться от жены при помощи наемных убийц и жениться на любовнице. Этому поверят, ведь вы женаты одиннадцать лет, а она так и не подарила вам ребенка. Теперь — родители вашей любовницы. Они ненавидят вас, ведь вы испортили жизнь их дочери. Соблазнили ее, обманули. Сказали, будто намерены развестись, обещали жениться на ней. Они помалкивают, пока боятся вас. А если мы намекнем им, что у вас серьезные неприятности на службе? Будьте спокойны, сразу сообщат в управление полиции, как вы

поступили с их дочерью. Там узнают, что она получала от вас ежемесячно сумму, равную двум вашим окладам. Откуда такие деньги? Стало быть вы брали взятки. Ах, господин майор, как справедливы ваши слова, сказанные в начале разговора: женщины еще никого не доводили до добра. Вам предстоит убедиться в этом на собственном опыте. Месяца через два будете мерить шагами тюремную камеру и рвать на себе остатки волос, сокрушаясь, что не приняли моего предложения. Вот так, мистер Вират.

Обрабатывая Вирата, Уильям представлял себе, как он при этом выглядит со стороны. Матерый шантажист, да и только.

Майор сидел в кресле, низко опустив голову, впившись пальцами в кожаную обивку. По его лицу текли струйки пота.

— Ну ладно, успокойтесь,— сказал Уильям.— Этого не случится. Вы будете спокойно жить и работать, дослужитесь до полковника. И своей любовнице сможете переводить денег в два раза больше. А для этого нужно одно — помочь нам. Мы отблагодарим вас не только деньгами. Предоставим сведения о торговцах опиумом. Вот их вы выслеживаете, арестовываете. Все ясно, не так ли?

Вират посмотрел на Уильяма. За эти несколько минут майор совершенно изменился. Стал каким-то жалким, угрюмым. От былого высокомерия не осталось и следа.

— Ваша взяла, у меня нет другого выхода. Что конкретно я должен сделать?

— Вот это уже другой разговор. Насчет аптекаря Прамана я вам все сказал. Затем нужно составить список всех, кого вы подозреваете в производстве и торговле наркотиками и за кем ведете слежку. Думаю, это вам под силу, ведь все секретные дела находятся в вашем распоряжении.

Вират кивнул.

— Сделайте это в течение следующей недели,— продолжал Уильям.— Внимательно просмотрите дела, укажите в списке адреса и анкетные данные этих людей. Вы сможете приехать в Бангкок в ближайшее время?

— Я езжу в столицу почти каждый месяц, на два-три дня в командировку. Буду в Бангкоке в следующий четверг.

— Вот и прекрасно. В четверг в семь вечера жду вас у кинотеатра «Парамаунт». Да не смотрите вы так на сверток. Он ваш.

Вират разорвал бумагу, разложил на столе десять плотных пачек в банковской упаковке. Вскрыл одну из них, посмотрел на свет купюру.

— Не беспокойтесь,— с улыбкой сказал Уильям.— Деньги мы еще не научились печатать.

— Кто вас знает,— ответил ему Вират. Усмехнувшись, он собрал деньги и пошел с ними в другой конец холла.

— Принесите чего-нибудь выпить. У вас есть виски? — крикнул ему вслед Уильям.

Вират не ответил. Через несколько минут он принес бутылку «Чивас ригал», содовую со льдом. Уильям быстро наполнил стаканы.

— Ну что ж, давайте выпьем за наш успех, чтобы все шло гладко.

— Понимаете, мистер Андерсен,— сказал Вират, сделав глоток,— с этим аптекарем все не так просто. Я уже несколько раз информировал о нем Бангкок. Это дело на контроле в управлении полиции по борьбе с торговлей наркотиками.

— Как вам удалось выйти на него?

— Поступило анонимное письмо. Праман Тунсохан, сообщалось в нем, скупает сырец у мео и изготавливает героин в своей аптеке.

— Когда вы получили это письмо?

— Около месяца назад.

«Ману,— подумал Уильям.— Боялся, что Праман отомстит ему. Хотел расправиться с ним руками полиции. Только это не помогло старику».

— Как мы выяснили,— продолжал Вират,— около двух лет назад о Прамане нам сообщил Интерпол. Стали следить за ним. Все написанное в письме подтвердилось.

— Почему же вы до сих пор не арестовали его?

— Хотели выйти на связи Прамана, без этого клубок не размотать. Арестуем, а он будет выдавать себя за одинокую.

— Ну, и вышли на кого-нибудь?

— На двух местных китайцев. Торговца фруктами Сутепа и портного Вотонга. Хотя полной уверенности, что они помогают ему, у нас нет.

— А в Бангкоке за ним не велась слежка?

— Нет. Я просил об этом, но они не смогли выделить людей. Своей работы по горло. А посылать кого-то отсюда я тоже не мог. Не хватает полицейских, да и средства ограничены. Таких, как этот Праман, у нас на контроле десятка три, нет возможности установить постоянную слежку.

Вират отхлебнул немного виски и, взглянув на Уильяма, продолжал:

— Одним словом, не имею представления, как прикрыть это дело. Когда он уезжал в горы за сырцом, моим людям удалось забраться в его аптеку. Там обнаружили аппаратуру для производства героина, сфотографировали ее, нашли немного белого порошка. Обо всем этом я сообщил в Бангкок.

«Набивает себе цену,— подумал Уильям.— Старая история, скоро начнет выпрашивать прибавку».

— Ну что ж, мистер Вират, под предлогом неотложности других дел отмените слежку за Праманом. А вашему начальству в Бангкоке сообщите, что он уехал из провинции. Потом мы что-нибудь придумаем.

— Хорошо, мистер Андерсен, я сделаю именно так. Только вот еще что. Я иду на большой риск, выдаю вам служебные тайны, фактически становлюсь сообщником торговцев наркотиками. Это тягчайшее преступление, грозящее пожизненным заключением, а то и смертной казнью. Да, я брал взятки, покрывал воров и мелких мошенников, всяких там сексуальных маньяков, вроде этого Смита. Но здесь я рискую головой. Пятидесяти тысяч бат в месяц, обещанных вами, мало за такой риск.

«Вот оно, началось. Все идет, как я и предвидел»,— подумал Уильям. Он затянулся сигаретой, внимательно посмотрел на майора.

— Видите ли, мистер Вират, наверное, вы не с первых дней службы в полиции стали получать оклад майора. Когда-то было жалованье и кадета, и лейтенанта. То же самое и у нас. Проявите себя хорошо, заслужите — будем платить больше. А пока мы просто не знаем, на что вы способны, как будете работать. Но несмотря на это выдали вам такой солидный аванс. Все в ваших руках, старайтесь, мы оценим это. Потом вы сами понимаете, платить я вам буду не из своих личных доходов. И ставки определяю не я.

— Еще один вопрос, мистер Андерсен. Кто в вашей компании будет знать обо мне?

— Я и мой шеф, больше никто. Такие вещи мы храним в строжайшей тайне.

— Может быть,— тяжело вздохнул Вират.— Но все-таки постарайтесь сузить круг лиц, к которым будет поступать моя информация. Все бывает, сегодня этот человек с вами, а завтра явится с повинной и выдаст меня.

— Не беспокойтесь. Мы и сами не заинтересованы в провалах. Все меры предосторожности соблюдаются строжайшим образом. Того же будем требовать и от вас. Простите, мне пора. До скорой встречи.

Вернувшись в гостиницу, Уильям сразу же стал звонить в Бангкок.

Брайтон моментально снял трубку, видимо, ждал звонка, нервничал.

— Привет. Как дела? — выпалил он скороговоркой.

— Все в порядке. Он согласился подписать с нами контракт.

— Прекрасно! С победой тебя, старина. Долго его уговаривал?

— Нет, не очень. Бывало и хуже.

— Ну как, здорово он психовал?

— Да нет, самую малость. Уверен, теперь дело пойдет.

— Вот видишь! Что я тебе говорил? Надежный вариант. Приедешь, расскажешь все подробно. Ты когда собираешься в Бангкок?

— Завтра утром, сейчас я чертовски устал. Так что до понедельника.

Уильям положил трубку. Потом плюхнулся на кровать, закинул руки за голову. Так он пролежал минут десять. Думал о себе, вспоминая вербовку Вирата: постоянно выполняя чью-то волю и играя чужую роль, можно в конце концов совсем потерять собственное лицо.

9.

После примирения с Ченом порошок стал поступать большими партиями. Праман хорошо знал свое дело, ему удалось открыть еще две лаборатории. Уильям, Рон и Ключе едва успевали отправлять «товар».

Была в этом и заслуга Вирата. Уильям несколько раз встречался с майором, передавал ему крупные суммы денег. За это они получили полную свободу действий как в Манчае, так и во всей провинции. Вират по указанию Уильяма задержал с поличным, арестовал и направил под стражей в Бангкок китайца Сувита, одного из подручных Чена в Чиенграе. Конкурентам был нанесен сильный удар. Рон и Сурин торжествовали.

Но Уильяма уже ничего не радовало, жизнь казалась нескончаемой пыткой. Он занимался делом, которое вызывало у него отвращение. Был постоянно окружен людьми, но среди них не было ни близких, ни друзей.

В доме Морли в основном появлялись люди, которым было что-то нужно от него. Последнее время его стал осаждать Ричард Бест, опустившийся до предела наркоман. Бесту едва перевалило за тридцать, но его часто принимали за старика. У него было худое пепельного цвета лицо, глубоко посаженные глаза всегда смотрели куда-то в сторону от собеседника, веко одного из них полностью не открывалось. Он был лыс, оставшиеся на затылке седые волосы длинными нечесанными прядями свисали на воротник. Его движения были резкими, нервными, а речь, как у многих наркоманов, замедленная. В разговоре он часто делал большие паузы, с трудом подыскивал нужное ему слово или выражение.

Каждый раз Бест просил у Уильяма деньги, чтобы купить очередную порцию героина. Получив их, тут же уходил.

Бест тоже воевал во Вьетнаме, был тяжело ранен. Врачам с трудом удалось спасти его левую ногу, но после трех операций она перестала гнуться в колене. В сайгонском госпитале и состоялось его первое знакомство с героином. Южновьетнамский врач, видимо, наркоман, предложил американскому сержанту за умеренную плату заглушить послеоперационные боли наркотиком и вечерами тайком стал делать ему инъекции.

Демобилизовавшись по болезни из армии, Бест обосновался в Бангкоке примерно в то же время, что и Уильям. Он открыл собственное дело — стал владельцем бара «Бабочка» на Сукумвите. Вскоре женился на своей официантке. Ее звали Ной. Уильяму запомнился счастливый и довольный Бест, сидящий в углу бара за кассой, в свежей белой рубашке, с голубым шейным платком. Ной в нарядном вечернем платье встречала и усаживала посетителей. В то время в Бангкоке как-то само по

себе образовалось нечто вроде общества проживающих в Таиланде американцев — ветеранов вьетнамской войны. Оно не было официально оформлено, просто около сорока американцев, воевавших во Вьетнаме, решили более или менее регулярно собираться вместе. Был у них и свой лидер — Ричард Бест. Поэтому-то бар «Бабочка» стал излюбленным местом встреч этих людей. Но они продолжались недолго. Одни уехали из Таиланда, другие обзавелись семьями.

Но была и другая причина: Ричард уже не был прежним гостеприимным, добродушным хозяином. Все чаще за кассой в «Бабочке» стали видеть Ной. С беспокойством она посматривала на дверь, ожидая прихода мужа. Ричард, или Дик, как она его называла, стал редко появляться в баре. Как правило, приходил перед закрытием. По лицу блуждала неестественная улыбка. Он садился за стол, закрывал глаза и подпирал голову рукой. Находясь в полудреме, он часто разговаривал сам с собой, смеялся. Посетители удивленно смотрели на хозяйина бара. Ной старалась скрыть слезы. Ричард то становился чрезмерно общительным и заводил с посетителями бессвязные разговоры, то, приходя в состояние агрессивности, устраивал в баре скандалы. Однажды, одурманенный наркотиком, он пытался избить тростью своего давнишнего приятеля Сэма Фитча. Тогда Фитча выручили только навыки бывшего десантника.

Вскоре бар закрылся. Ной куда-то уехала из Бангкока, а Ричард продолжал травить себя наркотиками, опускаясь все ниже и ниже. Друзья и знакомые оставили его. Ричард водил дружбу с двумя-тремя американцами, такими же законченными наркоманами, как и он.

Морли часто думал о том, что после джунглей Вьетнама мало кто из ветеранов смог вернуться к нормальной жизни. Словно клеймо какое-то оставила на них эта война.

После ухода Беста Уильям всегда испытывал чувство стыда: читает Ричарду проповедь, стараясь внушить, что он должен отказаться от наркотиков, а сам плодит наркоманов.

Жизнь Уильяма осложнялась еще тем, что он был вынужден постоянно лгать Тянь, скрывая свое ремесло.

Но все же наступил день, когда она узнала, чем в действительности занимается ее муж.

Готовя в очередной раз к отправке «товар», Уильям укладывал пластиковые мешочки с героином внутрь трех

больших фарфоровых статуэток. Они продавались в наборе: три старца в традиционной китайской одежде, символизирующих мудрость, долголетие и богатство. Туристы любили покупать их.

Работа была почти закончена. Он густо намазал клеем деревянную подставку, приложил к ней фарфоровую фигуру. Распахнулась дверь, и в комнату вошла Тянь. Она держала на руках сына.

«Черт возьми, как же я забыл закрыть дверь,— подумал Уильям.— Хорошо, что все закончил и Тянь не видела».

— Ты опять что-то купил, Билл? Зачем тебе эти старики?

— Хочу отправить их с одним знакомым в Штаты в подарок школьному другу,— солгал Уильям.— Подставка у одной из фигур отвалилась, пришлось приклеить.

Тянь посадила Дика в кресло, подошла к зеркалу и стала поправлять прическу.

— Какой ты у нас щедрый. Все время кому-то делаешь подарки. То магнитофон, то вазы и статуэтки. Тебе-то никто ничего не шлет.

— Ну и пусть. Я теперь богатый, могу...

Уильям замер на полуслове. Он увидел, как сынишка дотянулся до крайней фигуры и столкнул ее со стола. Уильям бросился подхватить ее, но было поздно. Статуэтка гулко ударилась об пол. Тянь обернулась.

На полу среди отливающих позолотой осколков белели пластиковые мешочки.

— Что это? — сдавленным голосом спросила Тянь.

— Не знаю. Я купил эту статуэтку, а в ней видишь, что оказалось.

— Лгун! — закричала Тянь и с размаху бросила на пол две другие статуэтки. Она стала ногами расшвыривать по полу осколки и пакетики с порошком.

— Значит, это и есть твой бизнес? Я догадывалась, но все старалась разубедить себя, верила в то, что, помня о нас с сыном, ты не пойдешь на это.

— Неужели ты думаешь, я связался с этой бандой по собственной воле,— с горечью проговорил Уильям.— Мне грозила тюрьма за невыплату огромного долга. Теперь они меня живого не отпустят. Я слишком много знаю об их делах. Тянь, дорогая, прошу тебя никому не говорить... Иначе ты погубишь нас.

Отчаяние, казалось, лишило Тянь сил. Она опустилась на пол и стала раскачиваться, обхватив голову руками.

Плакала она почти беззвучно. Одно она знала: Уильям в западне. И она вместе с ним. И никто не знает, как спастись. И все же она попытается что-нибудь придумать.

Через три дня после злополучной сцены Уильям с женой ожидали гостей. Они собирались отметить день рождения Тянь. Разумеется, после случившегося Тянь было не до поздравлений, не до веселья. Но друзья уже были приглашены, и Уильяму с большим трудом удалось уговорить жену не отменять вечеринку.

Гости собрались к восьми часам. Тянь пригласила двух подруг с мужьями. Уильям, став за стойку домашнего бара, сам смешивал для гостей коктейли. Тянь помогала служанке жарить поросенка.

Уильям заметил, что гости чувствуют себя скованно в его доме. Их, видимо, смущали не столько роскошная обстановка и дорогие напитки, сколько слишком быстрый взлет Уильяма. Ведь совсем недавно Тянь брала у них деньги в долг, они жалели ее, не одобряли этот брак с фарангом*-неудачником. А теперь Тянь стала богатой госпожой. Этого никто не ожидал.

И относились они к Тянь и особенно к Уильяму с какой-то нарочитой почтительностью. Наронг, муж одной из подруг Тянь, продавец магазина «Даймару» — он раньше был с Уильямом запанибрата, — в последнее время несмотря на все протесты Уильяма называл его только мистер Морли.

— Уильям, я пригласила к нам Джерри с супругой. Они сегодня утром прислали мне корзину цветов. Мне стало неудобно, и я позвонила им. Ты не возражаешь?

— Почему я должен возражать? Сегодня твой день рождения.

— А вот и они, пойдём их встретим.

Когда все были в сборе, Уильям достал из холодильника две бутылки шампанского. Но прежде чем откупорить их и поднять тост за здоровье именинницы, он преподнес Тянь подарок — кольцо с двумя крупными бриллиантами. Она попыталась изобразить улыбку, подошла к Уильяму и поцеловала его. Но он почувствовал, что этот ценный подарок не принес ей радости. Может быть, разглядывая кольцо, Тянь снова видела перед собой раз-

* Так в Таиланде называют американцев и европейцев.

брошенные по комнате маленькие пакетики с белым порошком.

Наверное, в эту минуту подруги завидовали Тяну, а их мужья — Уильяму. Ведь Наронгу за такое кольцо пришлось бы выложить весь свой заработок за полтора года. Но сейчас Уильям завидовал Наронгу. Пусть тот не может делать своей жене дорогие подарки, и иной раз его семье приходится влезать в долги. Зато он спокойно спит ночами, не выполняет приказов гнусных типов, вроде Рона Брайтона, не прячется от бандитов Чена. Ему нечего скрывать от жены. Его не мучают угрызения совести, страх перед завтрашним днем.

Уильям откупорил бутылку, разлил шампанское. Но никто из гостей не решался взять свой фужер. Они смотрели на Уильяма, словно ожидая его разрешения.

«Что за подобострастие, — подумал он. — Хорош праздник, когда каждый смотрит тебе в рот и боится пальцем шевельнуть без твоего разрешения».

До того как Морли разбогател, они держались с ним совсем иначе. Теперь же, чувствуя их скованность, он и сам не мог вести себя непринужденно.

Уильям вспомнил, как когда-то вшестером — они с Тяном и две ее подруги с мужьями — ездили на экскурсию по рекам и каналам Бангкока. Это было на третий день после его возвращения из первой поездки с героинном. Они с Тяном тогда еще жили в дешевой гостинице и слыли бедняками. Никто из знакомых не мог и предположить, что через несколько месяцев Уильям Морли, человек без определенных занятий, займет целое состояние.

Экскурсия была намечена заранее. Идею подал Наронг, он давно советовал им совершить эту увлекательную поездку, увидеть, как он говорил, второе лицо Бангкока — город на воде.

Ранним воскресным утром все собрались у причала отеля «Ориентал». Длинные деревянные лодки с подвесными моторами вмещали до тридцати человек и отправлялись одна за другой.

— Скорее! — крикнул Наронг. — Мы еще успеем сесть в эту лодку. В ней как раз шесть свободных мест.

Уильям попросил его подождать и направился к ожидавшей своей очереди лодке. Там рядом с мотористом сидела гид — молоденькая девушка с мегафоном.

— Сколько стоит экскурсия? — спросил он.

— Шестьсот бат, сэр, — улыбнувшись, ответила девушка. — Вне зависимости от количества пассажиров.

— Нас будет шесть человек. Идет?

— Конечно.

— Хорошо, получите деньги вперед.

С этими словами он небрежно вытащил из кармана и отдал ей несколько смятых ассигнаций.

— Что ты делаешь, Билл? — воскликнул Наронг. — Зачем нам отдельная лодка? К чему этот шик? Кого ты хочешь удивить?

Видимо, он опасался, как бы после поездки Уильям не предложил разделить расходы на три пары. Выкладывать двести бат за экскурсию он явно не собирался.

— Не беспокойся! — весело крикнул ему Уильям. — Сегодня мой день. Все издержки беру на себя. Залезайте-ка в лодку.

Всех, кроме Тянь, удивило столь необычное начало этой поездки. А довольная Тянь улыбнулась и весело подмигнула Уильяму, когда он подал ей руку, помогая войти в лодку.

Наконец все разместились поудобнее, девушка объявила в мегафон, что экскурсия пройдет по реке Чао Прайя и ее притокам, по пути они осмотрят один из «плавучих» рынков.

Взревел мотор, и лодка быстро заскользила по глади реки. Было прохладно, навстречу им попадались баржи, груженные песком, лесом и мешками с рисом.

— К счастью, — с улыбкой говорила гид, — в нашей стране воду еще не успели объявить чьей-либо собственностью. Реки не продаются и не покупаются, место на них нельзя сдать в аренду как земельный участок. Отсюда и сотни этих домов на сваях. Построив дом на берегу реки, человек должен платить за землю, а на воде — нет.

Уильям с интересом наблюдал за необычной жизнью на воде. Он часто слышал о «водных» улицах и деревнях, но видел подобную картину впервые. У него было приподнятое настроение, забылись все трудности и переживания последнего месяца. Он знал одно — у него есть деньги, много денег.

Веяло свежестью раннего бангкокского утра. Они приближались к «плавучему» рынку. Торговля с лодок уже шла там полным ходом.

— Стой! — крикнул Уильям мотористу. — Давайте купим фрукты.

Он махнул рукой женщине, сидевшей в небольшой лодке, заполненной тропическими плодами. Торговка стала быстро подгрести к ним.

Вскоре Уильям уже передавал своим спутникам папую, арбуз, два ананаса, зрелые янтарные плоды манго, лиловые мангустины, большую гроздь бананов. На дне лодки образовался яркий натюрморт. Подруги Тянь и их мужья были слегка удивлены столь неожиданной щедростью Уильяма.

Тянь чувствовала себя счастливой. Ей очень нравилась эта экскурсия, радовала возможность угостить и развлечь друзей. Незаметно пролетели три часа, их путешествие подошло к концу. Они снова стояли на причале у гостиницы «Ориентал».

— Очень хочется есть,— сказал Уильям.— Предлагаю зайти в «Дао». В этом ресторане отличная кухня.

Увидев некоторое замешательство на лицах своих спутников, Уильям сразу понял, в чем дело.

— Плачу я. Повторяю — сегодня мой день.

Все недоуменно взглянули сперва на Уильяма, потом на Тянь, но тем не менее приняли приглашение.

«Дао» считался одним из самых дорогих китайских ресторанов Бангкока. Уильям сам был там лишь один раз.

Они заняли большой стол в центре зала. Им сразу же подали на подносе холодные ароматизированные салфетки. Было приятно после сорокаградусной жары протереть ими руки, лицо, шею.

К столику подбежал проворный официант с блокнотом. Он приветливо улыбнулся всей компании. Однако, интуитивно почувствовав, что главный здесь Уильям, вопросительно взглянул на него, ожидая заказа.

Уильям бегло просмотрел меню и, ни с кем не советуясь, заказал обильный обед: голубей в винном соусе, жареного поросенка, суп из акульих плавников, запеченные в тесте креветки, виски и фрукты.

Он окинул всех присутствующих довольным взглядом. За столом воцарилось неловкое молчание. Никто не ожидал такого размаха.

— Останови своего фаранга. Куда его несет? — прошептала Сават, жена Чарэна, наклонившись к Тянь. Зачем так шиковать? Заказ обойдется в тысячу бат, если не больше. Потом опять останетесь без денег. Не понимаю я вас.

Но Тянь была абсолютно спокойна. Она изредка улыбалась и посматривала на мужа.

«Как это здорово быть при деньгах, — подумал Уильям. — Теперь я многое могу себе позволить. Выпить, хорошо поесть и даже угостить других. Пусть это плата за риск. Ну и что? Летчики-испытатели, каскадеры, люди других опасных профессий рискуют больше меня».

Подали еду и спиртное. Официант быстро налил виски в стаканы со льдом.

— Разрешите мне объявить причину сегодняшнего торжества, — начал Уильям. — Со вчерашнего дня я менеджер и акционер фирмы «Сиам», занимающейся экспортом и импортом строительных материалов.

С этими словами он раздал всем визитные карточки.

— Что за фирма? Никогда не слышал о такой, — произнес Чарэн, рассматривая только что полученную визитку.

— О! Надеюсь, она от этого не разорится, — смеясь, ответил Уильям. — А не слыхал ты о ней только потому, что «Сиам» имеет дело с более солидными страховыми компаниями, чем твоя «Бангкок иншуренс», мой дорогой Чарэн.

Все стали поздравлять Уильяма. Позже, в самый разгар веселья, к нему подсел Чарэн.

— Билл, позволь еще раз пожелать тебе удачи. Мне очень хочется, чтобы ты преуспел к своему новому делу. Ты хороший парень, и я искренне рад за тебя. А еще я хочу выпить за то, чтобы мы все всегда были вместе и никакие обстоятельства не смогли разлучить нас...

Эти воспоминания ненадолго отвлекли Уильяма от грустных мыслей.

Гости танцевали. Тянь пригласила Джерри и что-то тихо говорила ему, стараясь сохранить непринужденное выражение лица.

10.

Уильям взглянул на часы. Скоро полночь. Тянь все еще нет дома. Она ушла в парикмахерскую в два часа дня и до сих пор не вернулась. Он обзвонил всех друзей и знакомых, в том числе и Ласта, но они ничего не зна-

ли. В парикмахерской Уильяму ответили, что Тянь вышла около четырех. Что же могло случиться?

Уильяму так и не удалось уснуть, в голову лезли страшные мысли.

Неужели его сообщники расправились с Тянь? Но за что? Она узнала о его занятии. Рон предупреждал: он должен тщательно скрывать свои дела от Тянь, иначе ей придется расплачиваться за неосторожность мужа. Но кому она могла проговориться? Джерри Ласту?

Утром Уильям пошел в полицию, заявил об исчезновении жены, отдал ее фотографию. Но главное, считал он, обратиться к Рону. Именно Рон должен знать, что произошло с Тянь.

Брайтона ему удалось застать дома только вечером. Рон, показалось ему, был недоволен его приходом.

— Знаешь, сегодня утром Ключе отправили в больницу, — сказал Рон. — Потерял сознание, цирроз печени. Еще бы, столько пить. Теперь он уже вряд ли выкрутится.

— Меня сейчас беспокоит не это. Пропала Тянь, ее нет уже больше суток.

— Как пропала?

— Пошла в парикмахерскую и не вернулась.

— А ты заявил в полицию?

— Да, сегодня утром. Рон, что случилось с Тянь, говори!

— Да ты что! Откуда я знаю.

— Рон, скажи правду. Где она? Что вы с ней сделали?

— Вот псих! Зачем она нам нужна? Да не волнуйся, вернется. Наверное, встретила какого-нибудь молодца, решила развлечься, вспомнила прошлое...

— Замолчи! Меня тошнит от твоих свинских шуток.

— А чего ты, собственно говоря, здесь раскричался? Повторяю тебе, я не знаю, где твоя Тянь. Если не надеешься на полицию, обратись к частным детективам. Меня по этому поводу больше не беспокой.

Уильям вышел из дома Брайтона вне себя от гнева. Он еле сдержался, чтобы не избить Рона. Наверняка этому подонку все известно о судьбе Тянь. Не исключено, что он самолично расправился с ней.

Послышался шум мотора. Уильям резко поднял голову. Из переулка задом выползала машина с потушенными фарами. Видимо, водитель не ожидал, что Уильям

так быстро закончит свой визит к Брайтону, и был застигнут врасплох.

Уильям бросился к своей машине, включил дальний свет. Успел заметить номер — 20426. Кажется, он видел этот номер совсем недавно.

Вернувшись домой, Уильям начал рыться в книжном шкафу. Книги и журналы бросал прямо на пол. Он искал фотографии, снятые им недавно на пикнике. Вот они. Машина стоит на переднем плане, отчетливо виден номер — 20426. Уильям вытер пот со лба, сел в кресло.

Джерри Ласт. Но зачем Джерри следить за ним? Все это очень подозрительно. И на вечеринку в день рождения Тянь он сам попросился. Не исключено, что он связан с Брайтоном.

Прошла неделя. Никаких сведений о Тянь так и не поступило. Сына пришлось отвезти к ее сестре в провинцию Убон. Уильям не мог найти себе места, звонил в полицию по два-три раза в день.

Дня через три после исчезновения Тянь в дом к Уильяму пришла медсестра из госпиталя «Сент Луи» и передала ему конверт. В нем лежала записка:

«Уважаемый мистер Морли! Состояние здоровья известного вам Гюнтера Клюге критическое. Он очень просил вас срочно прийти к нему. Четырнадцатая палата. Пропуск вам заказан.

Доктор Утай».

«Клюге. Что ему нужно от меня?» — подумал Уильям.

Вот уже месяца три после стычки в доме Уильяма они не разговаривали. Он всячески избегал встречи с этим садистом. Наверное, и Кюге не испытывал к нему особой симпатии. И вот почему-то пожелал встретиться с ним. А вдруг Кюге известна судьба Тянь?

Пожалуй, это была самая лучшая палата госпиталя, так сказать, «люкс». Светлая, просторная, с балконом, ванной и цветным телевизором. Но Кюге уже не нуждался в комфорте. Он лежал, запрокинув голову, и тяжело дышал. К левой руке была подведена капельница, правой он судорожно сжимал легкое махровое одеяло, мучась от нестерпимой боли.

С трудом повернув голову, он посмотрел на Уильяма тусклым взглядом. Кюге сильно изменился. И без того худое лицо его совсем осунулось, кожа пожелтела.

— Хорошо, что ты пришел, Уильям,— прошептал он,— мне нужно поговорить с тобой перед смертью. Все-таки я верующий.

— Я не священник и не собираюсь отпускать твои грехи. Зачем ты звал меня?

— Я всю жизнь делал то, что считал нужным, и ни в чем не раскаиваюсь. А тебе просто хотел сказать, что я не причастен к исчезновению Тянь.

— Ее убили?

— Думаю, что да. Рон недели две назад спрашивал, хорошо ли меня знала твоя Тянь и когда я в последний раз видел ее. Поверь, это не пустое любопытство, они ее в чем-то заподозрили.

— Значит, мою жену убил Брайтон?

— Нет. Убрать ее могли только люди Паука. Рон не занимается такими делами. Всем заправляет Паук, но делает это через Рона. У Паука есть агентура, которая следит за нами, знает о нас все. Паук знает нас всех, а мы его — нет.

— Ты прожил здесь пятнадцать лет и не знаешь, кто же он, этот Паук?

— Я догадываюсь, даже почти уверен.

— Скажи мне. Теперь тебе нечего их бояться, а я смогу отомстить за жену.

— Ты проиграешь схватку с Пауком. У него много людей, а ты один. Лучше живи, как живется.

— Нет, я должен отомстить им за Тянь.

— Не торопись на тот свет. Это мне скоро крышка. И все мои деньги достанутся племянникам в Германии, знающим обо мне только понаслышке.

Клюге закрыл глаза, на минуту задумался.

— Я виноват перед тобой, Уильям,— продолжал он.

— В чем?

— Это я подсказал Рону, как провести тебя с покупкой прииска и втянуть в нашу компанию. И «владелица» прииска, и твой «компаньон» — подставные лица. профессиональные аферисты. Правда, подыскал их не я, а Рон и Сурин. Твои деньги мы поделили, мне досталось десять тысяч долларов. Я верну тебе их, так мне спокойнее будет умирать. В шкафу бумажник. Достань, я выпишу тебе чек.

— Нет, Гюнтер, мне не нужны эти деньги. Скажи мне

— Да.

только, я знаком с Пауком?

— Позовите, пожалуйста, мистера Ласта,— попросил Уильям служащую банка.

— Его второй день нет на работе, еще с понедельника. Возможно, он заболел. Странно только, что не сообщил об этом начальству. Это на него не похоже.

Ласт с женой снимали небольшую квартиру на окраине города.

— Проходи, Билл,— сказала, открыв ему дверь, жена Ласта Тхип.

— Джерри дома?

— Его нет вот уж три дня. В субботу вечером пришел злой. Сказал, что устал, хочет воскресенье провести на море. Я, конечно, не смогла поехать с ним в моем положении. Но потом я узнала, что на море Джерри не ездил. Он убежал от меня в Америку.

— Откуда тебе это известно? Он оставил записку?

— Нет. Попросил позвонить мне какого-то знакомого.

— Тайца?

— Да.

— И что он тебе сказал?

— Он был очень краток. Сообщил, что мистер Ласт уехал в Америку. Просил не искать его и не обращаться в суд, это, мол, бесполезно: наш брак не зарегистрирован. Сказал еще, что Джерри обещал помогать мне и будущему ребенку, по мере возможности, конечно.

— Когда это было?

— В понедельник утром. Я знаю, почему он уехал. Его увела от меня Кристина Вебер, американская журналистка. Ты, наверное, слышал о ней. Она приезжала в Бангкок на три месяца и улетела неделю назад.

— Почему ты так думаешь?

— После ее отъезда Джерри места себе не находил. Вот и сорвался за ней, даже в банке расчет не взял. Вообще он в последнее время вел себя странно.

— Почему ты решила?

— Какие-то непонятные телефонные звонки, вечные отлучки по вечерам. Сначала я думала, он встречается с Кристиной, хотела уличить его. Но оказалось, ее в это время даже не было в Бангкоке, разъезжала по провинциям. Как-то раз он вернулся домой, сел за стол и стал

что-то быстро писать. Ну, думаю, строчит письмо Крестине. Вдруг зазвонил телефон: его срочно вызывали куда-то. Он сразу уехал, забыв на столе свою писанину. Я прочитала. Нет, это было не любовное письмо. Какой-то замысловатый текст. Я не очень хорошо знаю английский, но поняла, что Джерри описывал чей-то маршрут по Бангкоку, вроде он за кем-то следил. Сначала это мне показалось глупостью, но все-таки я решила проверить содержимое его стола. В ящике нашла конверт с тысячью долларов. А ведь мы тогда еле сводили концы с концами! И еще там были записи — сведения о каких-то людях, его встречах и разговорах с ними. Никаких фамилий, одни клички. Я подумала было: Джерри собирает информацию для Кристины Вебер. А потом мне стало не по себе. Что если он связался с бандитами и следит за кем-то по их заданию? И доллары эти от них получил.

— Его записи здесь?

— Нет. И бумаги, и деньги он, наверное, забрал с собой.

Весь следующий день Уильям провалялся в постели. Несколько раз звонил телефон, но он не снимал трубку — не хотелось ни с кем разговаривать. Потом отключил аппарат.

Он ожидал всего, что угодно, только не этого. Казавшийся тихоней Джерри Ласт — крупный мафиози, их незримый шеф. Как ловко носил он личину простака и неудачника.

Размышления Уильяма прервали сигналы автомобиля. Подойдя к окну, он увидел машину Рона. Быстро оделся и спустился в холл.

— У тебя испортился телефон? Весь день не могу дозвониться, — сказал Рон, протягивая ему руку.

— Я отключил аппарат, плохо себя чувствую. Настроение ужасное.

— Все переживаешь из-за Тяна? Да брось ты, возьми себя в руки. Такие, как она...

— Заткнись! Зачем ты приехал?

— Между прочим, чтобы пригласить тебя в ресторан на прощальный ужин.

— Ты уезжаешь?

— Да. Велено перевести меня в другую страну. Куда, извини, сказать не могу. Сам знаешь наши правила.

— А кто будет вместо тебя?

— И это секрет. Ладно, шучу. Пусть встреча с ним будет для тебя сюрпризом. Ты раньше его хорошо знал, Запомни, послезавтра в восемь вечера в «Мандарине». Как обычно, в нашем кабинете.

После ухода Рона Уильям долго сидел в кресле, курил сигарету за сигаретой. Потом поднялся к себе в кабинет, сел за пишущую машинку...

— Лица, которых вы мне только что назвали, в настоящее время находятся в Таиланде?

— Да. Более того, завтра в восемь вечера некоторые из них будут в «Мандарине» отмечать прибытие нового шефа и отъезд Рона Брайтона.

Инспектор управления полиции по борьбе с торговлей наркотиками капитан Дамронг Макдит, нахмутив брови, посмотрел в окно.

Заявление было очень серьезным. С повинной пришел участник одного из крупнейших подпольных опиумных синдикатов Таиланда, значившегося в полицейских отчетах под кодовым названием «Тюльпан». На людей из «Тюльпана» поступали анонимные сигналы, скорее всего от конкурентов. Поэтому Дамронгу были хорошо известны имена Рона Брайтона, Гюнтера Клюге, Сурина Конглета и прочих. Но имя Джеральда Ласта он слышал впервые. Так и должно быть, судя по рассказу Морли. Была информация об их предстоящих встречах с «курьерами», о тайниках с героином. Но взять кого-то из «Тюльпана» с поличным не удалось. Скорее всего потому, что начальство то откладывало операции по задержанию преступников, то никак не давало на них санкции. Сорвались и всепопытки Дамронга «подсадить» к ним своих тайных агентов. Так что он и сейчас не очень-то верил в успех. Отчасти Дамронг догадывался, почему «Тюльпан» остается неуловимым. Мысль о том, что с этим делом снова придется идти наверх, испортила капитану настроение. Тяжело вздохнув, он сказал Уильяму:

— Вам придется изложить все это в письменном виде. Таков порядок.

— Я это предвидел и приготовил все заранее, — сказал Уильям, протягивая Дамронгу конверт.

— Хорошо. Я доложу об этом начальству.

— А что мне делать дальше?

— Вы можете быть свободны. Пока. Явка с повинной смягчит приговор, но это не освобождает вас от уголов-

ной ответственности. Арестовывать вас сейчас, по-моему, было бы преждевременно. Это насторожит ваших сообщников. А я рассчитываю на вашу дальнейшую помощь в их разоблачении. Когда понадобится, я свяжусь с вами.

В отделанном под китайскую старину ресторанном кабинете за большим круглым столом сидело пять человек. Праман и Ниссай занимали места рядом с Сурином. Все трое смеялись. Наверное, Сурин рассказывал своим молодым «коллегам» какую-то забавную историю. Рон сидел чуть поодаль от них вместе с плотным седовласым мужчиной с глубоким шрамом на лице. Уильям внимательно посмотрел на него.

«Не может быть. Неужели Харпер?» — подумал Уильям.

Первым Уильяма заметил Рон.

— Что же ты опаздываешь? Смотри, кто сегодня пришел к нам.

Все обернулись. Их гость встал из-за стола и направился к Уильяму.

— Рад снова видеть тебя, Уильям, — произнес он, протягивая ему руку.

— Подполковник Харпер?

— Полковник, правда, уже в отставке.

За прошедшие десять с небольшим лет Харпер сильно изменился, располнел, совсем поседел. Теперь в нем чувствовались респектабельность, властность.

Уильям сел рядом с ним, официант быстро поставил на стол стакан виски со льдом. Харпер поднялся. Видимо, он уже чувствовал себя их новым шефом и решил первым произнести тост.

— Я давно знаю Рона. Это мой «крестник» и ученик, оправдавший мои надежды. В Роне я ценю смелость, решительность, предприимчивость. Без этих качеств невозможно заниматься нашим делом. Выпьем же за его удачу! За тебя, Рон!

На столе появились жареный поросенок и запеченная в тесте рыба. Официант быстро наливал в маленькие тарелки ароматный дымящийся суп. Все ели молча, Уильям изредка поглядывал на дверь.

Он почему-то решил, что полиция должна арестовать их сейчас в этом кабинете. С таким предчувствием он и ехал сюда.

Харпер снова поднялся.

— Здесь сидит еще один мой старый знакомый, Уильям Морли, — сказал он. — Я знаю его примерно столько же, сколько и Рона. Прекрасный парень. Правда, у нас с ним случались коллизии. Но я надеюсь, теперь в Бангкоке ничто не сможет омрачить наши отношения. Выпьем за предстоящую совместную работу, Уильям!

«Да, здесь ты прав, полковник, — подумал Уильям. — На коллизии у нас просто не осталось времени. Очень скоро нас посадят в разные камеры и встречаться мы будем только на очных ставках».

Ресторан закрывался. В соседнем зале официанты снимали скатерти со столов, начиналась уборка. Рон расплатился, все встали и направились к выходу.

Машина Уильяма находилась в самом дальнем углу стоянки. Он попытался запустить мотор, но машина не заводилась. Похоже, разрядился аккумулятор. Он распахнул дверцу, хотел выйти. Вдруг перед капотом мелькнули какие-то тени. От страшного удара, казалось, раскололся череп. Лицо облепила влажная тряпка. Удушливый запах... перед глазами плывут разноцветные круги, он проваливается в бездну...

Очнувшись, Уильям увидел в полумраке деревянный потолок, цветные фотографии на стенах. Он лежал на холодном кожаном диване. Страшно болела и кружилась голова.

Кто-то поставил пластинку. Знакомая мелодия... Да это же «Отель „Калифорния“».

Уильям с трудом повернул голову. Тигр стоял на своем обычном месте, оперевшись руками на стойку. Рядом на высоких стульях сидели двое тайцев. Одного Уильям узнал сразу. Это был бармен, часто обслуживавший его. Только теперь он смотрел на Уильяма с презрением и злобой.

— А из тебя получился бы неплохой писатель, — с усмешкой сказал Тигр, небрежно бросив на стойку заполненные машинописным текстом листы. Ты знал намного больше, чем положено. Но все-таки ошибся: бедного Джерри Ласта ты оговорил зря. Он белого порошка и в глаза не видел. Парень работал на Интерпол, следил за вами, правда, очень грубо и неумело. Набивался к Рону в «курьеры», но тот его быстро раскусил. Вот и пришлось избавиться от Ласта самым надежным способом.

— Мою жену вы тоже убили?

— Она узнала о твоих делах. Сам виноват, что не смог сохранить их в тайне от нее.

— А как ты узнал об этом?

Тигр рассмеялся, переглянувшись со своими подручными.

— Решил устроить мне здесь допрос? Ну ладно, тебе теперь можно все рассказать, эти тайны скоро исчезнут вместе с тобой. Так и быть, утолю на прощание твое любопытство. А потом и тебе придется ответить на мои вопросы, правда, много времени это не займет.

Уильям похолодел. От мысли, что жить ему осталось, быть может, несколько минут, он вздрогнул. С трудом приподнявшись, сел на диван.

— Ваши разговоры с женой подслушивала служанка,— продолжал Тигр.— У меня всюду глаза и уши. Вот и твой донос оказался в моем баре через три часа после того, как ты вручил его капитану Дамронгу. И вообще я знал о вас все. Ты, Клюге, Сурин и прочие были для меня, как рыбки в этом аквариуме.

Уильям вытер рукой со лба холодные капли пота, перевел дыхание.

«Неужели все кончено? — подумал он.— Нет, надо попытаться вырваться. Все равно конец один. Пусть лучше пристрелят здесь, хоть избавлюсь от пыток и издевательств».

Уильям огляделся. Ближе всех к нему сидит бармен — развалившись у стойки, курит, пуская к потолку едкий табачный дым. Рубашка у пояса расстегнулась, из-под брюк торчит рукоятка пистолета.

Уильям закрывает глаза и, качнувшись, ничком падает на пол. Слышит, как кто-то подходит к нему. Это бармен. Он переваливает его на спину, бьет ладонью по щекам. Потом берет подмышки и начинает втаскивать на диван. Уильям опускает руку, нащупывает холодный металл. Резко выхватывает пистолет из-за пояса у бармена и тут же ребром ладони изо всех сил бьет его по горлу. Тот с криком падает на пол.

Тигр сразу же исчезает за стойкой. Его подручный с ужасом смотрит на Уильяма, потом бросается к двери. Но едва успевает схватиться за ручку, как его настигают две пули.

На полу, схватившись за горло, корчится от боли бармен. Уильям подходит к нему, стреляет в упор. Потом, держа пистолет наготове, заходит за стойку. Там

пусто... Тигр успел улизнуть. Наверное, спрятался на кухне или в своей комнате наверху. Туда идти нельзя, он может быть вооружен. Надо скорее бежать.

Распахнув дверь, Уильям выскакивает на улицу. Его сразу охватывает ночная прохлада. На Силоме пусто — ни машин, ни пешеходов. Сейчас, пожалуй, часа три ночи.

Уильям бежит по тротуару, не зная, куда и зачем. Лишь бы скорее оказаться подальше от этого проклятого места. Он задыхается, ноги слабеют. Падая, Уильям сдирает об асфальт ладони. С трудом поднимается, прислоняется спиной к холодной стене какого-то дома.

«Что дальше? — проносится в голове.— Домой нельзя, туда вот-вот могут нагрянуть. Нет, в Бангкоке от людей Паука никуда не спрячешься. Я обречен...»

Вдали появляется мигающий красный огонек патрульной полицейской машины. Она медленно приближается. Шатаясь, Уильям выходит на проезжую часть и останавливается, подняв вверх руки.

Международная публицистика

Алексей Иванович Полянский
В ЗАПАДНЕ

Редактор Н. М. Маслова
Оформление художника В. В. Сурикова
Художественный редактор В. П. Григорьев
Технический редактор Н. П. Новикова
Корректор К. С. Чигринова

ИБ № 1224

Сдано в набор 06.11.86. Подписано в печать 25.03.87.
А 02148. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2.
Гарнитура «литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,36. Уч.-изд. л. 5,28.
Тираж 40 000 экз. Заказ № 770. Цена 15 коп.
Изд. № 15—И/86.

Издательство «Международные отношения»
107078. Москва, Садовая-Спасская, 20

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

Полянский А. И.
П54 В западне. — М.: Междунар. отношения, 1987. — 96 с.

В книге рассказывается о судьбе молодого американца У. Морли, ветерана войны во Вьетнаме, который под давлением обстоятельств был вовлечен в преступный бизнес, связанный с производством и контрабандой наркотиков из Таиланда. Показаны пороки капиталистического общества, приведшего Морли к трагическому финалу. Автор использовал материалы, собранные в период журналистской работы в Таиланде.

Для широкого круга читателей.

П 0801000000—30
003(01)—87 КБ—47—8—1986

ББК 66.4(0)

ОПЕЧАТКА

На странице 87 третью строку снизу следует читать:
— Нет, Гюнтер, мне не нужны эти деньги. Скажи мне
только, я знаком с Пауком?

Л.Л.К 003(0)

И.Л.Л

П $\frac{0801000000-30}{003(01)-87}$ КБ-47-8-1986